

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 006.024:379.85(09)

**Н. А. ГУЛИЕВ
Б. К. СМАГУЛОВ**

Омский государственный
институт сервиса

К ИСТОРИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗРАБОТКИ И ПРИМЕНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТУРИСТСКИХ СТАНДАРТОВ В РОССИИ (2003—2004 гг.)

Принятие в конце 2002 г. Федерального закона РФ «О техническом регулировании» создало принципиально новую ситуацию в практике применения национальных стандартов в России в связи с отходом государства от принципа обязательности применения национальных стандартов к добровольности их использования. В исследовании проведен анализ подзаконных нормативно-правовых актов в период после принятия указанного выше федерального закона, что позволило установить реализацию положений данного закона в конкретных нормативно-правовых актах Правительства Российской Федерации и национального органа России по стандартизации — Госстандарта России (Росстандарта).

Ключевые слова: стандарт, подзаконный акт, обязательные требования стандартов, процедура разработки национального стандарта.

Цель данной статьи — исследовать реализацию положений Федерального закона РФ «О техническом регулировании» в подзаконных нормативно-правовых актах Правительства РФ и национального органа России по стандартизации.

Хронологические рамки охватывают период 2003—2004 гг., поскольку именно в этот период были приняты документы, закрепившие изменения в порядке разработки и применения национальных стандартов в сфере туризма на территории России, которые действуют

и в настоящее время.

Источниками для написания данной статьи послужили первичные нормативно-правовые документы Правительства РФ и Госстандарта России (Росстандарта), принятые в обозначенный выше хронологический период.

В настоящее время национальные стандарты в сфере туризма применяются в России на основании указанного выше Федерального закона РФ «О техническом регулировании». При этом следует отметить, что в России нет отдельного федерального закона, который бы регулировал вопросы разработки и применения национальных стандартов именно в туризме, а данный федеральный закон распространяется на все отрасли экономики, в том числе и туризм, за исключением сфер деятельности, которые прямо указаны в этом законе.

Начиная с 2003 г. приняты подзаконные акты, в которых более конкретно обозначались условия применения национальных туристских стандартов на территории России.

В июне 2003 г. было принято специальное постановление Госстандарта России [1], в котором говорилось о том, что с момента вступления в силу Федерального закона РФ «О техническом регулировании» все государственные стандарты России и межгосударственные стандарты стран СНГ, принятые к этому моменту, являются национальными стандартами Российской Федерации, но при этом сохраняется их прежние обозначения (индексы). Кроме того, было указано, что до вступления в силу соответствующих регламентов стандарты применяются в добровольном порядке, но часть требований необходимо выполнять в обязательном порядке [1, с. 10]. Однако конкретно эти обязательные требования относительно стандартов не указывались.

В январе 2004 г. принято новое постановление Госстандарта России, в котором были обозначены обязательные требования, которые включают в себя три группы:

- требования, обеспечивающие защиту жизни или здоровья граждан, имущества физических или юридических лиц, государственного или муниципального имущества;
- требования по охране окружающей среды, жизни или здоровья животных и растений;
- требования по предупреждению действий, «вводящих в заблуждение приобретателей» [2, с. 33].

Таким образом, государство фактически заявило, что его цель в вопросе регулирования применения национальных стандартов состоит в создании условий для обеспечения качества и безопасности оказания услуг, а что касается форм и способов оказания услуги, то это прерогатива исполнителей.

Кроме того, в России были приняты постановления, которые регулировали сам процесс разработки и применения стандартов.

В сентябре 2003 г. вышло специальное постановление Госстандарта России [3], в котором речь шла о порядке разработки и утверждении национальных стандартов на территории России. Содержание данного постановления состоит в следующем.

Во-первых, соответствующим подразделениям Госстандарта России было предписано в 2003 г. разработать и представить на утверждение руководству Госстандарта основополагающие стандарты национальной системы стандартизации РФ. Основополагающий стандарт понимается как стандарт, который устанавливает общие технические и организационные основы определенной широкой области деятельности.

Во-вторых, до введения в действие этих основополагающих стандартов разработку, оформление, изложение, утверждение, учет, официальное опубликование национальных стандартов РФ, внесение в них изменений и отмену было предписано осуществлять в соответствии с требованиями ГОСТ Р 1.2 – 92, ГОСТ Р 1.5 – 2002 и ПР 50 – 74 – 94.

В-третьих, предписано с 1 июля 2003 г. на титульном листе и первой странице проекта национального стандарта, представляемого на утверждение в Госстандарт России (сейчас – Росстандарт), вместо слов «государственный стандарт Российской Федерации» использовать словосочетание «национальный стандарт Российской Федерации» [3, с. 21 – 22].

В 2003 г. Правительство РФ приняло и постановление по регулированию системы разработки и применения стандартов.

В июле 2003 г. Правительство России издало постановление [4], которым был утвержден специальный документ (положение) по процедуре разработки национальных стандартов в России. В данном постановлении было установлено, что размер платы за опубликование уведомлений о разработке проекта национального стандарта и о завершении публичного обсуждения проекта национального стандарта составляет 1000 руб. за один лист оригинала уведомления, напечатанного с одной стороны [4, с. 6].

Что касается утвержденного указанным постановлением документа, то в нем говорилось, что для опубликования уведомления о разработке проекта национального стандарта или о завершении публичного обсуждения проекта национального стандарта его разработчик должен представить в Госстандарт России (Росстандарт) ряд документов, основным из которых является уведомление о разработке проекта национального стандарта или о завершении публичного обсуждения проекта национального стандарта с указанием:

- наименования, организационно-правовой формы и места нахождения разработчика (если это организация); фамилии, имени, отчества, места жительства, данных документа, удостоверяющего личность (если это физическое лицо);
- объект стандартизации, а также сведения об имеющихся в проекте национального стандарта положениях, которые отличаются от положений соответствующих международных стандартов.

Согласно положению, уведомление о разработке проекта национального стандарта публикуется Госстандартом России на его официальном сайте в 10-дневный срок, а в информационном указателе «Национальные стандарты» – в 2-месячный срок со дня поступления документов разработчика в комитет. Уведомление о завершении публичного обсуждения проекта национального стандарта публикуется национальным органом РФ по стандартизации не ранее чем через 2 месяца со дня опубликования уведомления о разработке проекта национального стандарта.

В положении предусматривается возможность возврата разработчику поданных им в национальный орган по стандартизации России документов (ст. 4 положения) в случае, если форма и (или) содержание этих документов не соответствуют требованиям, установленным нормативными правовыми актами России.

В октябре 2003 г. издан Приказ Госстандарта России [5], который был направлен на реализацию указанного выше июльского постановления Правительства России 2003 г. Согласно данному приказу, до 15 декабря 2003 г. было предписано провести работы по переименованию информационного указателя

«Государственные стандарты» в «Национальные стандарты» [5, с. 23].

Таким образом, в обозначенный период времени в России были закреплены положения о праве любого лица разрабатывать свои проекты национальных стандартов. Кроме того, был четко обозначен механизм реализации этого права.

В августе 2003 г. опубликовано постановление Правительства РФ [6, с. 11], которым было утверждено положение о федеральном информационном фонде технических регламентов и стандартов [6, с. 11 – 16]. Этот документ был направлен на то, чтобы создать условия для реализации права граждан России на свободный доступ к документам по стандартизации и сертификации, для чего создавался указанный фонд.

Этот документ устанавливал порядок создания и ведения данного информационного фонда, а также порядок создания и функционирования единой информационной системы по техническому регулированию, которая предназначена для обеспечения информацией о технических регламентах, стандартах и других документах по техническому регулированию.

Согласно положению, Федеральный информационный фонд технических регламентов и стандартов является государственным информационным ресурсом, созданным на основании ст. 44 Федерального закона РФ «О техническом регулировании», и включает в себя следующие документы:

— технические регламенты, правила и методы исследований (испытаний) и измерений, необходимые для применения технических регламентов;

— документы национальной системы стандартизации России (стандарты, правила стандартизации, нормы и рекомендации в области стандартизации, общероссийские классификаторы и др.), а также международные (региональные) стандарты и стандарты иностранных государств;

— информация о международных договорах в области стандартизации и подтверждения соответствия и о правилах их применения.

Создание и ведение указанного фонда было возложено на национальный орган РФ по стандартизации (в то время им являлся Госстандарт России, сейчас – Росстандарт, или Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии).

В конце 2004 г. в России были приняты меры по обеспечению публичного обсуждения проектов национальных стандартов. Так, в декабре 2004 г. вышел приказ Росстандарта [7], цель которого – обеспечить соблюдение требований публичного обсуждения проектов национальных стандартов РФ при подготовке их к утверждению и регистрации. В этом приказе со ссылкой на статью 16 Федерального закона РФ «О техническом регулировании» говорилось следующее.

Во-первых, соответствующим органам указанного агентства предписано включить требование проведения публичного обсуждения проектов национальных стандартов в проект ПР 50.1.074.

Во-вторых, начальникам управлений и директорам НИИ Росстандарта указано на необходимость при подготовке проектов национальных стандартов РФ к утверждению учитывать проведение их публичного обсуждения.

В-третьих, при регистрации национальных стандартов, разработка которых началась после 1 июля 2003 г., разработчик стандарта обязан был в своей пояснительной записке указать, в каком именно номере журнала «Национальные стандарты» и за какой

год опубликована информация о начале публичного обсуждения проекта стандарта, разработанного им [7, с. 20 – 21].

Таким образом, указанный выше Федеральный закон РФ «О техническом регулировании» непосредственно связан с изданными на его основе подзаконными нормативно-правовыми актами, что проявилось в уточнении отдельных положений федерального закона в конкретных подзаконных нормативно-правовых актах органов исполнительной власти России.

В 2003 – 2004 гг. принципиально новыми положениями относительно туристских стандартов можно считать отмену обязательности их применения в полном объеме и введение обязательных требований национальных стандартов; закрепление права любого гражданина России разработать и предложить свой проект стандарта; четкое обозначение процедуры публичного их обсуждения; создание специального фонда национальных стандартов с целью обеспечения их доступности каждому гражданину России.

Выводы

1. В Федеральном законе РФ «О техническом регулировании» впервые был использован термин «национальный стандарт» и дано его определение (ст. 2), то есть речь идет об изменении статуса стандартов. Данное положение реализовано в соответствующих подзаконных нормативно-правовых актах в требованиях использовать в текстах стандартов термин «национальный стандарт» вместо термина «государственный стандарт», в переименовании информационного указателя стандартов «Государственные стандарты» в «Национальные стандарты», в признании прежних государственных стандартов России национальными стандартами России (октябрь 2003 г.).

2. Содержание термина «национальный стандарт» Федерального закона РФ «О техническом регулировании» уточнено в соответствующем нормативно-правовом акте с включением в него понятия «межгосударственный стандарт» (июнь 2003 г.).

3. Федеральный закон РФ «О техническом регулировании» установил добровольность применения национальных стандартов. Указанное положение Закона реализовано в его подтверждении и уточнении в соответствующих подзаконных нормативно-правовых актах (июнь 2003 г., январь 2004 г.).

4. Федеральном законе РФ «О техническом регулировании» было закреплено требование обеспечения доступности национальных стандартов заинтересованным лицам и (или) публичного обсуждения обсуждения проекта национального стандарта до его принятия. Для реализации данного требования приняты соответствующие подзаконные нормативно-правовые акты (декабрь 2004 г.).

Библиографический список

1. О национальных стандартах РФ. Постановление Госстандарта России от 27 июня 2003 г. № 63 // Вестник Госстандарта России. – 2003. – № 7. – С. 10.
2. О национальных стандартах РФ. Постановление Госстандарта России от 30 января 2004 г. № 63 // Вестник Госстандарта России. – 2004. – № 3. – С. 33.
3. О разработке и утверждении национальных стандартов РФ. Постановление Госстандарта России от 2 сентября 2003 г. № 100 // Вестник Госстандарта России. – 2003. – № 9. – С. 21 – 22.
4. Об опубликовании и размере платы за опубликование уведомлений о разработке проекта национального стандарта и о завершении публичного обсуждения проекта национального

стандарта. Постановление Правительства от 31 июля 2003 г. // Вестник Госстандарта России. — 2003. — № 9. — С. 6.

5. О реализации постановления Правительства РФ от 31 июля 2003 г. № 458 «Об опубликовании и размере платы за опубликование уведомлений о разработке проекта национального стандарта и о завершении публичного обсуждения проекта национального стандарта». Приказ Госстандарта России от 21 октября 2003 г. № 1054 // Вестник Госстандарта России. — 2003. — № 11. — С. 22?23.

6. О федеральном информационном фонде технических регламентов и стандартов. Постановление Правительства РФ от 15 августа 2003 г. // Вестник Госстандарта России. — 2003. — № 9. — С. 11?16.

7. Об обеспечении соблюдения требований публичного обсуждения проектов национальных стандартов РФ при подготовке их к утверждению и регистрации. Приказ Федераль-

ного агентства по техническому регулированию и метрологии от 16 декабря 2004 г. № 458 // Вестник Госстандарта России. — 2005. — № 1. — С. 20—21.

ГУЛИЕВ Новруз Амирханович, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-культурного сервиса и туризма.

Адрес для переписки: Guliev_omgis@mail.ru

СМАГУЛОВ Болат Кудайбергенович, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма.

Адрес для переписки: Bolat_alemdar@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.02.2011 г.

© Н. А. Гулиев, Б. К. Смагулов

УДК 930.85 : 008

В. А. РУБИН

Оренбургский государственный аграрный университет

РАЗВИТИЕ ПОСЛЕВОЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ЧКАЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1945 — 1953 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ГАЗЕТЫ «ЧКАЛОВСКАЯ КОММУНА»)

В статье рассматриваются основные направления развития массовой культуры Чкаловской области (ныне Оренбургская область) в послевоенный период. Данное время характеризуется тем, что в регионе отмечался значительный культурный подъем: проводилось капитальное строительство новых культурных объектов, памятников, улучшалось обслуживание посетителей библиотек и выставок; театры регулярно демонстрировали новые постановки. В целом, на развитие региональной культуры в рассматриваемые годы наложил отпечаток ряд факторов: война и достигнутая в ней победа, энтузиазм в восстановлении народного хозяйства, государственная социальная политика развития культуры и искусства. В работе предпринята попытка исследовать вопрос на основе материалов областной газеты «Чкаловская коммуна».

Ключевые слова: культурная политика, развитие профессионального искусства, самодеятельность, послевоенное десятилетие, Оренбургская область.

Великая Отечественная война — одна из самых ярких и скорбных страниц в истории России. Она нанесла колоссальный ущерб отечественной культуре. Война уничтожила многие памятники культуры, тысячи музеев, кинотеатров, библиотек, выставочных и концертных залов. Темы войны и труда советского человека и в послевоенные годы были определяющими в творчестве художников, кинодокументалистов, театральных деятелей, музыкантов, писателей и т.д.

Важным очагом культурной сферы являлись театры. В области существовали Оренбургский, Орский и Бугурусланский драматические театры, театр музыкальной комедии, театр кукол, чкаловский театр юного зрителя; действовали также 12 народных театров, музыкальные и танцевальные коллективы. При областной филармонии имела татарская драматическая труппа, выступающая на родном языке.

Коллективы региональных театров в основу своих репертуаров ставили пьесы как советских, так и зарубежных авторов. Каждый сезон театры готовили премьеры спектаклей. В частности, театры области деятельно готовились к открытию зимнего сезона (1945 — 1946 гг.). До конца 1945 г. областной театр драмы имени М. Горького показал две премьеры — комедию Бернарда Шоу «Пигмалион» в постановке К. Ведерникова и пьесу Леонида Леонова «Обыкновенный человек» (режиссёр А. Экслер). Театр музыкальной комедии представил новые постановки: оперетту «Весёлый петух» (постановщик М. Маркбен) и «Свадьбу Марион». Бузулукский драмтеатр отметил постановкой пьесы Матвеева «После Победы» и «Без вины виноватые» Островского (режиссёр А. Григорьев). Орский драматический театр имени Пушкина в 1945 г. готовил к показу спектакль «Платон Кречет» (режиссёр С. Пронский), Бугурусланский театр пьесу «Проклятая коса» [1].

24 мая 1947 г. областной драматический театр им. Горького открыл свой летний сезон в саду им. К. Либкнехта пьесой лауреата Сталинской премии К. Симонова «Русский вопрос». В конце мая того же года театр показал «Любовь Яровую» К. Тренева. С 1 августа в летнем театре работал коллектив театра Музыкальной комедии. Орский драматический театр им. Пушкина в июне 1947 г. отправился на гастроли в город Медногорск, где показал свои лучшие постановки. Бузулукский драматический театр в течение лета того же года дал несколько спектаклей в г. Сорочинске [2].

Следует отметить, что повышение творческой эффективности театров было органически связано с борьбой за художественное качество спектаклей, и положительная оценка ряда спектаклей общественностью свидетельствует о том, что общий художественный уровень театральной работы ежегодно становился выше.

Постановщик спектаклей в Бугурусланском театре В. Яблочкин пользовался уважением в театральной среде, его спектакли получались удачными. Как писала областная газета «Любая пьеса – сложная, но театр дружными усилиями режиссёра и исполнителей доносит до зрителя заложенный в ней смысл» [3].

Но также были отрицательные отзывы зрителей о работе театров. Например, американской комедией «Агунья» Бузулукский театр решил увенчать свой сезон, а затем подарить её сельскому зрителю. «Невелика услуга! Театр вытащил из хлама второсортную пьеску, не дал себе труда хоть немного подумать о ней и наскоро слепил спектакль» – таковы были оценки и журналистов, и зрителей [4].

Ведущим в регионе являлся Оренбургский драматический театр имени М. Горького – один из старейших театров страны. В нем был профессиональный творческий коллектив, что позволяло ставить содержательные и интересные спектакли, которые имели успех у публики и активно обсуждались зрителями.

Так, Чкаловское отделение Всесоюзного театрального общества провело обсуждение спектакля «Старые друзья». Все выступавшие отметили, что спектакль, поставленный режиссером А. Шуминым, производит приятное впечатление как ансамблем, так и верной трактовкой пьесы. Волнующие образы создали заслуженная артистка РСФСР А. Я. Садовская, А. И. Элькес, В. М. Шатрова, Н. Д. Веселова [5].

Областной театр музыкальной комедии также пользовался у зрителей популярностью и признательностью. В его спектаклях ощущалась, по мнению критиков, художественная зрелость, хороший вкус, и настойчивое стремление создать цельные, жизнеутверждающие произведения жанра музыкальной комедии. В этом была большая заслуга актёров и режиссёров театра. Как писал Г.И. Незнамов в 1946 г.: «Режиссер пьесы «Свадьба Марион» нашел верный ритм, добился полного общения на сцене, умело обыграл ряд деталей, создал немало смешных и острых мизансцен [6].

Оренбургские театры систематически гастролировали по области. Группа артистов областного драматического театра им. М. Горького в 1946 г. выехала на гастроли в промышленные центры Оренбуржья. В составе группы находились заслуженные артисты РСФСР А. Я. Садовская и В.И. Агеев, ведущие артисты Богданова, Соколова, Побегалов, Карпов и другие – всего 25 человек. Театр демонстрировал одну из лучших своих постановок – пьесу В. Собко «За вторым фронтом». Её посмотрели трудящиеся Медно-

горска, Ракитянки, рабочие посёлка Никитино, горняки Блявинского рудника [7].

Периодически в Чкаловскую область с гастролями приезжали театры из других регионов Советского Союза. Например, 10 июня 1948 г. в здании областного театра музыкальной комедии открыл свои гастроли Башкирский государственный театр оперы и балета. В составе группы имелись и русские исполнители. Репертуар строился как на русском, так и на башкирском языке. Театр располагал большим симфоническим оркестром и квалифицированным хором. Приезд Башкирского театра оперы и балета стал большим культурным событием в жизни города [8]. Театры с каждым годом привлекали всё больше и больше зрителей и становились одним из главных средств культурного развития населения Чкаловской области.

Культурно-просветительные учреждения были важнейшими опорными центрами для развития традиционной культуры. В основном дома культуры имели тесную связь с промпредприятиями области, что хорошо отражено в их наглядной агитации. В них часто проводились тематические вечера, читались лекции и доклады. В Чкалове большой популярностью пользовались лекции на научные темы, которые читали профессора мединститута и лекторские группы, созданные горздравотделом и облоно. Выступая в кино перед началом сеансов, лекторы рассказывали слушателям о сталинской Конституции и выборах в Верховный Совет СССР [9].

Тысячи рабочих и служащих промпредприятий активно посещали библиотеки, которые находились при домах культуры и клубах. В них регулярно демонстрировались не только художественные, но и технические фильмы. Особенно много внимания клубы уделяли освещению передового опыта. Для этого использовались самые разнообразие формы культурно-просветительной работы: литературные вечера, проведение громких чтений газет, журналов и книг, создание фотовитрин и многое другое.

Общественность Новоорска широко отмечала 150-летний юбилей со дня рождения величайшего русского поэта А. С. Пушкина. Докладчики райкома ВКП(б) и культотдела райисполкома прочли населению цикл лекций о жизни и творчестве поэта. В парткабинете и районной библиотеке оформили фотовитрины и книжные выставки его произведений. Работники районной библиотеки выезжали на полевые станы колхозов имени Куйбышева, «Красная Пресня» и имени Кирова, проводя читки произведений А.С. Пушкина [10].

Летом интересная культурно-просветительная работа среди горожан была организована в парках культуры и отдыха. В них регулярно проводились массовые гулянья, выступали с концертами самодеятельные коллективы. Но, несмотря на такую плодотворную деятельность клубов и домов культуры, встречаются и случаи неудовлетворительной работы данных заведений. В некоторых домах культуры было грязно, протекала крыша, ценная аппаратура ржавела и портилась. Например, клубы и издательские сел Бобровка, Богдановка, Соковка, Раздолье в 1947 г. не были отремонтированы и утеплены. Культурно-просветительная работа здесь вовсе не велась, о чем неоднократно писали в областной газете [11].

Постепенно восстанавливалась кинематография. Популярностью пользовались кинотеатры «Молот», «Победа», «Октябрь», «Комсомолец» и многие другие. В послевоенные годы демонстрировались такие фильмы, как «Детство», «Семеро смелых», «Падение Берлина», «Незабываемый 1919 год», «Клятва» и другие.

Некоторые кинотеатры имели читальные залы, в которых можно было ознакомиться с газетами, журналами, художественной литературой и т.д. Также в кинотеатрах организовывались выставки, фотовитрины, читались лекции, проводились беседы, устраивались читательские конференции, что позволяло привлекать в кинотеатры все больше и больше посетителей.

Однако такая обстановка существовала не везде. Демонстрация кинофильмов в селах являлась редким событием. Из имеющихся кинопередвижек работали как правило не все, и те с большими перебоями: вместо 20 сеансов в месяц давали в лучшем случае 6–7. О бытовых условиях киномехаников в пути никто не заботился [12].

Тяга народных масс к искусству, их стремление самим участвовать в его развитии наиболее ярко выражались в росте числа самодеятельных выступлений. Самодеятельное искусство в послевоенные годы характеризовалось не только увеличением числа кружков и участников в них, но и ростом общей культуры, мастерства исполнения. Кружки художественной самодеятельности действовали не только в культурных и образовательных, но и в оздоровительных учреждениях. Они организовывали концерты, которые пользовались большой популярностью среди населения [13].

Настоящими праздниками народных талантов являлись ежегодные областные смотры самодеятельных коллективов, которые наглядно демонстрировали рост культурного уровня населения. Каждый смотр отличала интересная и разнообразная программа, подготовленная его участниками. Успешно на смотрах выступали коллективы городов Орска, Новотроицка, а также Первомайского, Саракташского, Адамовского и других районов [14].

Год от года возрастало число и мастерство музыкальных и танцевальных самодеятельных коллективов. Почти в каждом Доме культуры и клубе были свои драматические кружки. Многие из них систематически выступали перед населением с произведениями советской драматургии и русской классики, а также с одноактными спектаклями на злободневные темы. В частности, драмкружок Пилогинской средней школы Бугурусланского района поставил на сцене клуба пьесу А.Н. Островского «Бедность не порок». Спектакль привлёк много зрителей – колхозников, работников МТС и прошёл с успехом [15].

Для обслуживания колхозников на полевых станциях члены самодеятельных кружков организовывали культбригады, которые давали концерты для тракторных и полеводческих бригад. Так, комсомольцы и молодёжь колхоза им. Свердлова Ташлинского района в 1948 г. создали культбригаду. В период сева участники самодеятельности выступали перед тракторными и полеводческими бригадами, подготовив разнообразную программу [16].

Данные мероприятия давали толчок для новых производственных успехов в социалистических соревнованиях и помогали населению отдохнуть от упорного физического труда. Таким образом, художественная самодеятельность оказывала огромное влияние на сознание людей и давала им силы для восстановления страны после войны.

В области действовало около тысячи массовых библиотек всех ведомств с книжным фондом почти в девять миллионов экземпляров. Самой крупной в Чкаловской области являлась библиотека имени Н. К. Крупской. В ней хранилось более 500 тысяч книг по всем отраслям знаний. В районных библиотеках проводи-

лись читательские конференции. Например, в селе Яшкино Люксембургского района по инициативе районной библиотеки состоялась конференция по роману А. Фадеева «Молодая гвардия», которая привлекла многолюдную аудиторию и прошла с большим успехом [17].

Работа библиотек предусматривала также создание полевых бригад, которые обслуживали колхозников во время работы в поле. Адамовская районная библиотека в 1947 г. скомплектовала восемь библиотек-передвижек для полевых станций. Библиотеки-передвижки развозила культбригада, которая побывала в колхозах «Карабута», имени Калинина и других [18].

Библиотеки привлекали внимание всего населения области, здесь можно было встретить как молодёжь, так и людей зрелого возраста, которые не только пользовались фондом библиотек, но и пополняли его своими личными книгами. Библиотеки области вели открытый доступ читателей к книжным полкам, широко применяли разнообразные формы работы с читателями.

В Чкаловской области в послевоенные годы работали несколько историко-краеведческих музеев, основным из которых являлся старейший и наиболее богатый по числу экспонатов Чкаловский областной краеведческий музей.

Краеведческие музеи знакомили население области с природой и прошлым своего края, с историей революционного движения, с успехами экономики и культуры области. Музеи организовывали тематические выставки, лекции, экскурсии. С каждым годом количество посетителей музеев области росло. В частности, в залах областного краеведческого музея в начале 1947 г. побывало более 10 тысяч человек [19].

Из года в год тяга граждан к изобразительному искусству возрастала. О чем свидетельствовал постоянный рост числа художников. Тем не менее уровень изобразительного искусства в области был достаточно низок, так как выставки произведений художников проводились достаточно редко, хотя привлекали они большое количество людей. Областная газета писала в 1947 г.: «В областном музее открыта выставка чкаловских художников. Это творческий отчёт за истёкший год. Многие художники прошли мимо того, чем жила наша страна. Это несмотря на исторические решения ЦК партии, которые нацеливали работников искусств на создание высококачественных произведений, отображающих нашу советскую действительность. Отдельные художники сделали попытку откликнуться на современные темы, но их работы теряются в многочисленных натюрмортах, этюдах, эскизах» [20]. Поскольку культура послевоенного периода развивалась, прежде всего, в условиях тоталитарного заказа, поэтому, как мы видим, натюрморты и этюды были не в почете. Однако важно другое – то, что о них писали, пусть даже в рамках критических заметок. И у исследователя есть возможность узнать о разножанровости работ художников, выставившихся в послевоенное время.

Тематика скульптурных композиций послевоенного времени соответствовала идеологическим требованиям официального искусства – соцреализма: памятники В.И. Ленину и деятелям партии, героям войны и труда, выдающимся творцам культуры. В данный период было открыто несколько памятников. Например, в воскресенье 5 июля 1949 г., в 4 часа дня, в селе Берды Чкаловского сельского (ныне – Оренбургского) района состоялась торжественный митинг и большое народное гулянье, посвященное открытию

памятника А.С. Пушкину [21]. Жертвы белобандитского налёта были похоронены жителями Оренбурга на скрещивании улицы Цвиллинга и Паркового проспекта. Чкаловцы почтили память погибших защитников советской республики. В канун 33-й годовщины Великого Октября в 1950 г. рядом с братской могилой был установлен памятник, сделанный по проекту скульптора Козырева [22].

В послевоенные годы в Чкаловской области были построены сотни культурно-бытовых учреждений, Домов культуры, клубов, библиотек, спортивных стадионов.

На центральной площади в станице Краснохолмской начали строительство районного дома культуры. В дни воскресников жители Краснохолма расчистили строительную площадку, вырыли траншеи, заготовили достаточное количество бутового камня для закладки фундамента. Зрительный зал строящегося Дома культуры был рассчитан на 150 мест. Проектом предусмотрены помещения для работы кружков, библиотеки, бильярдной, буфета, гардероба. На строительство выделили около 100 тысяч рублей [23]. На восстановление и реконструкцию спортивного стадиона железнодорожников станции Бузулук выделили аналогичную сумму. Капитально отремонтировали гимнастический зал, комнату отдыха, гардеробную. Открытие стадиона приурочили к дорожной спартакиаде, которая прошла в июле 1947 г. [24].

Колхоз «Красная заря» Новоорского района своими силами и на свои средства построил хороший просторный новый клуб. В его зрительном зале насчитывалось 160 мест. Большая заслуга в создании собственного культурного очага принадлежала комсомольцам и председателю колхоза Савину [25].

Появление новых памятников и культурных сооружений свидетельствовало о том, что в послевоенный период, хотя и низкими темпами, но всё же развивалась скульптура и архитектура области, в культурной сфере проводилось капитальное строительство новых объектов.

Таким образом, проанализировав статьи газеты «Чкаловская коммуна» за послевоенный период, мы можем сделать следующие выводы: 1) в Оренбуржье в послевоенные годы возводились новые школы, клубы, красные уголки, библиотеки и другие культурно-бытовые объекты, улучшилось содержание деятельности очагов культуры. С каждым годом росло число зрителей в театрах и клубах, читателей в библиотеках. Книги, радио и газеты, музыкальные инструменты стали обычными не только в квартирах горожан, но и в домах сельских жителей. Чкаловская область в послевоенные годы приумножила прежний культурный уровень; 2) в материалах периодической печати освещались практически все сферы культурной деятельности: вопросы развития профессионального и самодеятельного искусства, образовательная работа, проблемы охраны памятников истории и культуры, традиционная народная культура и др.; 3) использование только лишь периодической печати при написании научных исследований по истории культуры дает самые общие (обзорные) представления о культуре региона. Несмотря на то, что о культуре Чкаловской области писали фактически в каждом номере областной газеты, количественные данные носят разрозненный характер, встречаются редко, а достоверность обобщенных показателей нужда-

ется в проверке через исследование архивных фондов; 4) значимость источника состоит в том, что он позволит существенно дополнить и разнообразить исследование по истории послевоенной культуры.

Библиографический список

1. Новые премьеры в театрах области // Чкаловская коммуна. — 1945. — 23 сентября.
2. Театры в летнем сезоне // Чкаловская коммуна. — 1947. — 23 мая.
3. Бугурусланский театр // Чкаловская коммуна. — 1945. — 18 сентября.
4. Анастасьев, А. Неудачный спектакль / А. Анастасьев // Чкаловская коммуна. — 1945. — 8 сентября.
5. Диспут о «Старых друзьях» // Чкаловская коммуна. — 1946. — 23 июня.
6. Незнамов, Г. И. «Свадьба Марион» / Г. И. Незнамов // Чкаловская коммуна. — 1946. — 6 февраля.
7. Театр юного зрителя в Чкалове // Чкаловская коммуна. — 1946. — 3 сентября.
8. Незнамов, Г. И. К предстоящим гастролям Башкирского театра оперы и балета / Г. И. Незнамов // Чкаловская коммуна. — 1948. — 8 июня.
9. Лекции для населения // Чкаловская коммуна. — 1946. — 19 января.
10. Василенко, Ф. Лекции и концерты // Чкаловская коммуна. — 1949. — 29 апреля.
11. Яков, П. Культбригады на севе / П. Яков // Чкаловская коммуна. — 1947. — 17 мая.
12. Северский, М. Культурно-просветительная работа — забытый участок / М. Северский // Чкаловская коммуна. — 1945. — 23 ноября.
13. Ларионов, А. Самодеятельные концерты в санаториях // Чкаловская коммуна. — 1946. — 6 октября.
14. Куликовский, М. Заметки о сельской театральной самодеятельности / М. Куликовский // Чкаловская коммуна. — 1949. — 9 апреля.
15. «Бедность не порок» на клубной сцене // Чкаловская коммуна. — 1948. — 24 апреля.
16. Культбригады на севе // Чкаловская коммуна. — 1948. — 11 мая.
17. Читательская конференция по роману А. Фадеева // Чкаловская коммуна. — 1947. — 14 мая.
18. Первадчук, Ф. Передвижные библиотеки / Ф. Первадчук // Чкаловская коммуна. — 1947. — 28 мая.
19. Борисов, А. Любить и знать свой край / А. Борисов // Чкаловская коммуна. — 1947. — 20 апреля.
20. Варламов, С. На выставке чкаловских художников / С. Варламов // Чкаловская коммуна. — 1947. — 9 марта.
21. Открытие памятника А. С. Пушкину в селе Берды // Чкаловская коммуна. — 1949. — 4 июня.
22. По Чкалову и области // Чкаловская коммуна. — 1950. — 11 ноября.
23. Строительство районного Дома культуры // Чкаловская коммуна. — 1947. — 1 июня.
24. Строительство стадиона в Бузулуке // Чкаловская коммуна. — 1947. — 31 мая.
25. Новый клуб // Чкаловская коммуна. — 1949. — 16 января.

РУБИН Владимир Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории отечества. Адрес для переписки: seba_alex@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 02.11.2011 г.

© В. А. Рубин

ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ — «НОВЫЙ КОНСТАНТИН»: ВИЗАНТИЙСКИЙ ОБРАЗЕЦ ВЛАСТИ В РУССКОЙ ПРАКТИКЕ ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII в.

Алексей Михайлович вполне усвоил византийские императорские символы власти, оставаясь при этом русским христианским царем-самодержцем — защитником и поборником православия. Идея преемственности власти русского государя от византийских императоров выступала одним из постулатов, через которые обосновывалась самодержавная царская власть.

Ключевые слова: царь Алексей Михайлович, император Константин Великий, Византийская империя, символы монаршей власти.

Идея преемственности власти русских царей от византийских императоров, начав формироваться в XV в., не потеряла своей актуальности и в XVII столетии. Православная традиция, дополненная законами и практикой Византийской империи, выступала в качестве идейно-теоретического обоснования принципов самодержавной власти русских государей [1, с. 45 — 73].

В царствование Алексея Михайловича происходит перемена в представлениях о природе царской власти. Соответствие российских реалий византийскому культурному эталону выступает на первый план. По словам Б. А. Успенского, царь Алексей стремился к возрождению Византийской империи с центром в Москве как вселенской монархии, объединяющей в единую державу все православные народы [2, с. 123 — 124]. Алексей Михайлович считал себя преемником византийских императоров и был убежден в своем призвании царя всего православия. Подобную мысль внушали Алексею Михайловичу и активно приезжавшие в Москву восточные иерархи. Иерусалимский патриарх Паисий, будучи в Москве в 1649 г., определяя статус царя, высказывал Алексею Михайловичу следующее: «Пресвятая Троица да утвердит Вас и умножит лета во глубине старости, благополучно сподобит Вас восприяти вам превысочайший престол великого царя Константина, прадеда Вашего. Да и освободит народ благочестивых и православных христиан от нечестивых рук, от лютых зверей, что поедают немилостиво. Да будешь новый Моисей, да освободиши нас от пленения, якоже он освободил сынов израильских от фараонских рук жезлом — знаменем честного животворящего креста» [3, с. 122].

Другой современник царя Алексея, бывший Константинопольский патриарх Афанасий Пателар, в своем сочинении «Слово понуждаемое» настойчиво проводил мысль о необходимости для русского государя воспользоваться ослаблением Османской Порты в ее борьбе с Венецией за Крит и отвоевать у турок Константинополь. В результате русский царь должен был занять престол Константина Великого, а московский патриарх стать вселенским патриархом [4, с. 28 — 29].

Так, образ Константина Великого стал для Алексея Михайловича парадигмой царской власти [5, с. 194]. Теорию, которая обосновывала возросшую роль русского православного государя в православном мире, утверждала значение России не только «константинопольской вотчины» (в политическом аспекте), но и духовного наследия христианского Востока, исследователи определяют как «русский царь — Новый Константин» [6, с. 307].

По свидетельству дьякона Павла Алеппского, приезжавшего в Россию с антиохийским патриархом Макарием, московский государь принял на себя обязательство избавить греков и всех православных от порабощения «врагами веры» [7, с. 170 — 171].

По мнению Н.П. Чесноковой, идею византийского наследия не следует связывать только с внешней политикой России. «Гомогенная политическая идеология должна была усилить власть царя внутри страны, окончательно преодолеть последствия недавнего прошлого, смуты и междоусобицы, упрочить власть царей из дома Романовых». В правление Алексея Михайловича возникла и развивалась политическая теория, основанная на единении русской и греческой церквей. Она была скреплена почитанием общих христианских святых, признанием освободительной миссии русского государя и его прав на политическое наследие Константина Великого [5, с. 196 — 198].

Стремление Алексея Михайловича считать себя преемником власти византийских императоров привело к ряду конкретных шагов. Назовем лишь некоторые из них. Так, в январе 1652 г. состоялось открытие мощей преп. Саввы Сторожевского, ученика преп. Сергия Радонежского. В марте церковным Собором было принято решение перенести в Успенский Собор мощи других святителей — патриархов Гермодона из Чудова монастыря, Иова из Старицы и митрополита Филиппа из Соловецкого монастыря [8, с. 301]. Перенесение мощей митрополита Филиппа, задушенного Малютой Скуратовым за обличения Ивана Грозного, трактуется историками как акт покаяния светской власти перед духовной. Иначе толкует данное действие современный исследователь С. В. Лобачев, обращающий внимание на то обстоятельство, что перенесение

в Москву мощей митрополита Филиппа напоминало перенесение в Константинополь останков Иоанна Златоуста при императоре Феодосии [9, с. 103]. Алексей Михайлович в письме боярину Н.И. Одоевскому писал: «И порадовал нам Бог, великому государю, великаго солнца: якоже древле царю Феодосию пресветлаго солнца Иоанна Златоустаго возвратити мощи, тако и нам даровал Бог целителя, новаго Петра, и втораго Павла проповедника, и втораго Златоуста, великаго пресветлаго солнца Филиппа, митрополита московскаго и всея России чудотворца, возвратити мощи» [10, с. 225]. Иоанн Златоуст, выступавший с критикой властей, был предан суду и лишен сана, а затем сослан в Армению. Почти три десятилетия спустя после смерти св. Иоанна, по просьбе константинопольского патриарха Прокла, император Феодосий вернул мощи святителя в столицу. Феодосий направил отцу Иоанну Златоусту молебное послание. Подобную акцию повторил и Алексей Михайлович, уподобившись византийскому императору [9, с. 103]. В то же время, обращаясь к мощам святителя с молением «... разрешить согрешение прадеда нашего, царя и великаго князя Иоанна...» [11, с. 11], Алексей Михайлович говорит о себе как о преемнике Грозного, подчеркивая, что новая династия восприняла власть по праву наследников старой московской династии, и приносит покаяние за грехи своих преемников на престоле московском [9, с. 104].

Усиление значимости Московского государства как центра вселенского православия и претензия царя Алексея на место Константина подкреплялась перенесением с Востока христианских святынь. С одной стороны, столица Православия не могла довольствоваться только русскими святынями, с другой — необходимостью перенесения христианских реликвий с Востока обуславливалась заботаю русского царя эти святыни сохранить [12, с. 72].

По замечанию Н.Ф. Каптерева, русские не жалели средств для приобретения у греков христианских реликвий, поскольку были уверены, что Восток, лишаясь святынь, вместе с тем лишается права на руководящую роль в религиозной жизни православного мира. Москва же становилась действительно третьим Римом, вполне заменившим собою новый Рим — Константинополь [12, с. 101 — 102].

Реликвии попадали в Москву различными путями. Например, их привозили восточные архипастыри или греческие купцы [13, с. 124 — 125; 14, с. 144 — 151].

Как отмечает Н.П. Чеснокова восточно-христианские святыни, привезенные в Россию, сыграли особую роль в формировании идейно-политических теорий своего времени. Подобный феномен уже отмечался в других государствах, например, в республике св. Марка, когда появление большого числа византийских реликвий послужило основанием для создания образа Венеции как Нового Рима. По данным исследовательницы, наиболее активно святыни переносятся в период патриаршества Никона (1652 — 1658 гг.) Перечень реликвий довольно обширный и разнообразный — это, например, мощи святых, иконы, предметы церковной утвари, облачения и пр. Ведущее место среди центров, поддерживавших активные связи с Россией принадлежало кафедрам восточных патриархов. Отсюда регулярно исходила информация русскому правительству о политической ситуации в Османской империи и положении православных подданных. Значимыми и плодотворными были контакты с Афонскими монастырями, а также с другими церковными центрами, которые могли получить рекомендательные письма от патриархов [5, с. 144 — 161].

В октябре 1653 г. Алексей Михайлович встречал из Константинополя чудотворный образ Богородицы Влахернской (древней заступницы Византии) и главу Григория Богослова [8, с. 376 — 377]. Икона была доставлена торговым греком Дмитрием Гавриловым от имени иерусалимского протосинкела Гавриила. В свидетельской грамоте константинопольского патриарха Паисия, кроме подтверждения подлинности иконы, излагалась легенда о ней как заступнице Константинополя, а также приводились сведения о ее приобретении у турок. Чудотворную икону поместили в Успенском соборе [15, с. 105]. Образ «взбранной Воеводы и Заступницы пресвятой Богородицы «Влахернской» покровительствовал русским войскам на полях сражений [16, с. 266 — 267].

Одной из святынь, привезенных в Москву в 1655 г., была глава св. Иоанна Златоуста. Вспомним то значение, которое придавалось святому. Вместе с ней привезли Крест царя Константина. Правда, привезли их только для поклонения, но Алексей Михайлович приложил все усилия, чтобы реликвии остались в России. Все попытки греков вернуть их оказались тщетными [12, с. 66 — 71].

В именном царском указе 1667 г. о завершении русско-польской войны отмечалось, что победа была одержана благодаря тому, что было взято на помощь «непобедимое оружие, Святой и Животворящий Крест Господень» первого греческого царя Константина. Исследователи отмечали, в царствование Алексея Михайловича большое распространение получили воинские знамена, как царские, так и стрелецких полков с изображением легенды о явлении креста царю Константину. Примечательно, что изображение императора Константина соответствовало встречающимся в то время изображениям царя Алексея Михайловича [16, с. 266 — 267].

Образ Алексея Михайловича как нового Константина формировался, в том числе, благодаря атрибутам, традиционным для византийского императора. По заказу государя в Стамбуле между 1660 — 1662 гг. были сделаны бармы по образцу греческого царя Константина [17, с. 9] и держава. На одном из медальонов барм помещена фигура библейского царя Давида. Образ Давида, помазанного на царство пророком Самуилом, имел особое значение для христианских правителей — обряд помазания стал символом утверждения их в царском достоинстве. Благодаря обряду цари стали называться «помазанниками Божиими». В программе барм имело место изображение Константина Великого, который всегда воспринимался как идеальный монарх [15, с. 128].

При Алексее Михайловиче появляются мечи, как вооружение церемониальной стражи русского государя. В контексте идеи собирания всех православных народов под началом русского государя был создан меч, на клинке которого изображался двуглавый орел, терзающий крылатого змея. Это есть аллегория так называемого «Видения царьградского», символически возвещавшего о грядущем освобождении Константинополя. Сцена содержала выраженный с предельной прозрачностью лозунг — «царь Алексей Михайлович — победитель неверных, освободитель Царьграда» [18, с. 136 — 137].

В царствование второго Романова, в подражание византийским монетам X — XI вв., был выпущен уникальный золотой. Это единственный золотой, который исследователи называют «иконным», поскольку царь представлен на нем в виде святого, с нимбом вокруг головы, а другую сторону кружка занимает образ Христа. Алексей Михайлович и здесь следует

примеру царя Константина, которому приписывалось прославление Христа на «златницах» [19, с. 192 – 196].

Слово «святой», входившее в титул византийского императора, было добавлено и к титулу Алексея Михайловича. Известно, что во времена вселенских соборов иерархи называли императоров «святыми», и с течением времени это название укрепилось за ними в качестве их официального титула.

По мнению Б.А. Успенского, как важнейший знак императорского достоинства царь Алексей перенимает законодательную деятельность. Так, издавая Соборное Уложение 1649 г., Алексей Михайлович действовал по примеру византийских императоров, для которых законодательная деятельность, в том числе и издание законодательных сводов, была одной из важнейших привилегий верховной власти, поскольку император выступает как формальный источник закона [2, с. 124 – 125].

Стремление воскресить в своем лице образ древних греческих императоров, Алексей Михайлович, хотел соотносить с греческим и русский придворный церемониал. С этой целью в грамоте на Афон (1666 г.) просил прислать в Москву из святогорских монастырей «Судебник да Чиновник всему царскому чину прежних благочестивых греческих царей печатной» [20, с. 43].

В Византии император, осуществляя присущие только ему функции, символизировал саму власть, ее божественное происхождение, т.е. земной правитель был воплощением в земной жизни высшей власти. Император имел исключительное право на определенные цвета: пурпур (цвет царской обуви, личной подписи на документах, элементов одежды), золото (цвет блестящих доспехов, парчовых одеяний, императорской печати), и белоснежная чистота (от туники до цвета чистого лица и всего облика, излучающего свет) были идеальными цветами царской власти [21, с. 16].

У русских государей красно-золотая часть спектра использовалась исключительно монархом. Высшая аристократия могла использовать золотой цвет в одежде только с позволения царя. Золототканые одежды выдавались из казны в торжественных случаях членам статусных групп двора [22, с. 61 – 62].

Алексей Михайлович, как и его предшественники, подобно императорам совершал богомольные выходы в каждый церковный праздник, присутствовал при всех обрядах и торжествах, отправляемых Церковью в течение всего года [23, с. 393]. В царских выходах по большим религиозным праздникам государь демонстрировал величие своего двора. Алексей Михайлович появлялся в регалиях Мономаха, большом наряде, уравнивавшем любого царя с византийским императором. Он надевал новые золотые короны с художественными украшениями, копии «шапки Мономаха» с бесчисленными драгоценными камнями. На его одежде, шитой золотом, пуговицами служили изумруды. Золотые браслеты были все в жемчугах. Таким образом, царские выходы с участием духовенства представляли священный образ христианского императора, окруженного своими слугами и духовенством [24, с. 58 – 59].

Как показал Б.А. Успенский, Алексей Михайлович, по примеру византийских императоров, начинает причащаться в алтаре по священническому чину. Порядок причащения Алексея Михайловича соответствовал византийской практике причащения императора. Реконструкция византийской традиции основывалась, главным образом на устной информации (от бывших в Москве греков). По предположе-

нию исследователя, источником сведений Алексея Михайловича о византийском ритуале стал газский митрополит Паисий Лигарид, появившийся при государевом дворе в 1662 г. и имевший на царя большое влияние [25, с. 235 – 236]. В своих обращениях к Алексею Михайловичу Лигарид называл государя императором [26, с. 118 – 121].

Алексей Михайлович не только ощущал себя равным царю Константину, но и видел это равенство во многом благодаря патриарху Никону. Для Нового Иерусалима, были задуманы две большие иконы, «которые писаны к большому кипарисному кресту». На одной были изображены коленопреклоненные Константин, Алексей Михайлович и Никон. На другой — царица Елена, царица Мария Ильинична и царевич Алексей Алексеевич [19, с. 196]. Никон осуществил допечатку к Кормчей (1653 г.). Сюда вошли такие произведения, как «Сказание о Римском отпадении», подложная грамота византийского императора Константина папе римскому Сильвестру и др., в которых акцентировалось внимание на особой миссии русского православия и роли главы Русской Церкви [27, с. 17].

Кульминацией эволюции образа византийского императора в России в XVII в. стал Большой московский собор 1666 – 1667 гг., поведший итог в «деле патриарха Никона». В деяниях собора записано, что он был созван повелением «благочестивейшего тишайшего великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержца, Нового Константина, веры православныя христианския ревнителя и поборника» [5, с. 194 – 195].

В целом, Алексей Михайлович вполне усвоил византийские императорские символы власти, оставаясь при этом русским христианским царем-самодержцем — защитником и поборником православия. Идея преемственности власти русского государя от византийских императоров выступала одним из постулатов, через которые обосновывалась самодержавная царская власть. Уже в XVIII в. сын Алексея Михайловича, Петр Алексеевич, изменит образ монарха в соответствии с западноевропейскими образцами.

Библиографический список

1. Сорокин, Ю. А. Российский абсолютизм в последней трети XVIII в. / Ю. А. Сорокин. — Омск : ОмГУ, 1999. — 322 с.
2. Успенский, Б. А. Царь и Бог / Б. А. Успенский // Избранные труды. В 2 т. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. — М. : Изд-во «Гнозис», 1994. — 432 с.
3. Карташев, А. В. Очерки по истории русской церкви. В 2 т. Т. 2. / А. В. Карташев. — М. : ТЕРРА, 1992. — 569 с.
4. Фонкич, Б. Л. Греческое книгописание в России в XVII в. / Б. Л. Фонкич // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. — СПб. : Наука, 1994. — 409 с.
5. Чеснокова, Н. П. Идея византийского наследия в России середины XVII в. / Н. П. Чеснокова // Пятые чтения памяти профессора Н. Ф. Каптерева. Россия и православный Восток: новые исследования по материалам из архивов и музейных собраний. — М. : ИВИ РАН, 2007. — 214 с.
6. Сеницына, Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV-XVI вв.) / Н. В. Сеницына. — М. : Изд-во «Индрик», 1998. — 416 с.
7. Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в первой половине XVII века / Павел Алеппский // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. — М., 1898. — Кн. 4. — 312 с.
8. Дворцовые разряды. — СПб., 1852. — Т. III. — IV с., 1662 стб.

9. Лобачев, С. В. Патриарх Никон / С. В. Лобачев. — СПб. : Искусство-СПб, 2003. — 416 с.
10. Собрание писем царя Алексея Михайловича. — М. : Изд. П. Бартенева, 1856. — 262 с.
11. Цветков, К. Два послания царя Алексея Михайловича. — М. : Унив. тип., 1902. — 22 с.
12. Каптерев, Н. Ф. Характер отношений России к православному востоку в XVI и XVII столетиях / Н. Ф. Каптерев. — М. : Тип. П. Ф. Снегирёва, 1885. — 516 с., прил 51 с.
13. Чеснокова, Н. П. Царские жалованные грамоты греческому духовенству и кушам (середина XVII в.) / Н. П. Чеснокова // Вторые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева. — М. : ИВИ РАН, 2004. — 148 с.
14. Чеснокова, Н. П. Свод восточно-христианских реликвий в России в середине XVII в. (Постановка проблемы) / Н. П. Чеснокова // Исторические традиции русско-сирийских культурных и духовных связей: миссия антиохийского патриарха Макария и дневники архидиакона Павла Алеппского. К 350-летию посещения патриархом Макарием антиохийским и архидиаконом Павлом Алеппским Москвы — Четвертые чтения памяти проф. Н. Ф. Каптерева. — М. : ИВИ РАН, 2006. — 170 с.
15. Тема греческого наследия в церковной и государственной идеологии XVII в. / О. А. Цицинова [и др.]. // Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон. «Премудрая двоица». — М. : ИПЦ «Художник и книга», 2005. — 200 с.
16. Шмыкова, М. Л. Идеологическое обоснование великокняжеской и царской власти в России в конце XV-XVII вв. : дис ... канд. ист. наук / М. Л. Шмыкова. — Ижевск, 2006. — 325 с.
17. Мартынова, М. В. Регалии царя Алексея Михайловича / М. В. Мартынова. — М. : Гос. ист.-культ. музей-заповедник «Московский Кремль», 2004. — 39 с.
18. Орленко, С. П. Мечи и протазаны (к вопросу о церемониальных новациях русского двора середины XVII века) / С. П. Орленко // Верховная власть, элита и общество в России XIV — первой половины XIX века. — М. : Гос. ист.-культ. музей-заповедник «Московский Кремль», 2009. — 236 с.
19. Спасский, И. Г. «Византийский» золотой царя Алексея Михайловича / И. Г. Спасский // Византийский временник. — М. : Наука, 1982. — Т. 43. — 295 с.
20. Каптерев, Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. В 2 т. Т. I. / Н. Ф. Каптерев. — М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского м-ря, 1996. — 524 с.
21. Бибииков, М. В. «Блеск и нищета» василевсов. Структура и семиотика власти в Византии / М. В. Бибииков // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время. — М. : Наука, 2008. — 443 с.
22. Епифановский, П. В. Цветовая символика двора по свидетельствам иностранцев XVI-XVII веков / П. В. Епифановский // Верховная власть, элита и общество в России XIV — первой половины XIX века. — М. : Гос. ист.-культ. музей-заповедник «Московский Кремль», 2009. — 236 с.
23. Забелин, И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях / И. Е. Забелин. — М. : Языки русской культуры, 2000. — 480 с.
24. Уортман, Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии / Р. С. Уортман. — М. : ОГИ, 2004. — 605 с.
25. Успенский, Б. А. Литургический статус царя / Б. А. Успенский // Успенский Б. А. Этюды о русской истории. — СПб. : Азбука, 2002. — 480 с.
26. Письмо собственноручное государю Алексею Михайловичу Газского Митрополита Паисия Лигарида // Собрание государственных грамот и договоров. — М. : Тип. С. Селивановского, 1828. — Ч. IV. — 820 с.
27. Полознев, Д. Ф. Клерикальная оппозиция в начале становления российского абсолютизма. Конец 1640-х — 1660-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д. Ф. Полознев. — М., 1990. — 23 с.

СКРИПКИНА Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения. Адрес для переписки: evs705@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 19.01.2011 г.
© Е. В. Скрипкина

Книжные полки

ББК 63.3(2)73/И90

История СССР/РФ в контексте современного россиеведения / Рос. гос. гуманитар. ун-т; отв. ред. : Е. И. Пивовар, А. Б. Безбородов. — М. : Проспект, 2011. — 398 с. — ISBN 978-5-392-02466-7.

Россиеведение — это комплексная научная дисциплина, рассматриваемая в рамках магистерского курса по истории. Ее исследование закономерно, потому что кризисное развитие России в отдельные годы постсоветской эпохи стимулировало интерес общественности к более успешным годам советского периода и противоречивому в целом развитию страны в 1991 — 2009 гг. В данном учебном пособии рассматривается история СССР/РФ в 1985 — 2009 гг. Учебное пособие дает богатый материал для типологии, моделирования, изучения альтернативных сценариев развития в рамках характеризуемой дисциплины. Для студентов, аспирантов и широкого круга читателей.

Наумова, Г. Р. Историография истории России : учеб. пособие для студ. вузов / Г. Р. Наумова, А. Е. Шикло. — 4-е изд., стер. — М. : Academia, 2011. — 480 с. — Гриф УМО по классич. университетскому образованию. — ISBN: 978-5-7695-8334-6.

В учебном пособии излагаются основные концепции отечественной истории, которые рассматриваются в тесной связи с развитием исторической мысли и исторических знаний, а также общественными и политическими условиями. В нем рассказывается об особенностях познания отечественной истории в Средние века, становлении исторической науки в XVIII в., формировании органической концепции истории Российского государства в XIX в., поиске новых подходов к изучению прошлого на рубеже XIX—XX вв., развитии советской исторической науки, а также отечественной науки на современном этапе. Для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «История», профессиональных историков и всех, кто интересуется опытом осмысления отечественной истории.

ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТИ ИСТОРИКА НА ПРОЦЕСС ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛИЗМА В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ)

На примере анализа историографии национализма в годы революции и Гражданской войны в Сибири показано, как политические воззрения историков и их этническая принадлежность влияют на оценки национализма, содержащиеся в исторических работах. Автор приходит к выводу, что на возможности междисциплинарного историко-политологического анализа национализма в России существенно влияют субъективные личностные характеристики исследователя, делающие невозможным политически беспристрастный анализ.

Ключевые слова: национализм и историки, революция, Гражданская война, Сибирь, национальный вопрос.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт №02.740.11.0350.

Сюжет «национализм и историки» является достаточно разработанным в работах посвященных теоретическому осмыслению феномена национализма. Патриарх мировой историографии по вопросу национализма Эрик Дж. Хобсбаум писал: «Историк, лицо, действующее в рамках того самого предмета исследования, о котором идет речь. Ведь историки для национализма — это то же самое, что сеятель мака в Пакистане для потребителей героина: мы обеспечиваем рынок важнейшим сырьем. Нации без прошлого — это своего рода противоречия в терминах. Прошлое и есть то, что создает нацию, именно прошлое нации оправдывает его в глазах других, а историки — это люди которые «производят это прошлое» [1]. Однако применительно к истории «национализм» в России, и в частности в Сибири, сюжет «национализм и историки», до сих пор он практически не привлекал внимания исследователей. Данная проблематика представляет интерес как для специалистов по политологии, так и по отечественной истории.

Из-за дискуссионности самих понятий в контексте данной работы необходимо дать авторское понимание термина национализм. Национализм — это мировоззрение, идеология и политическая деятельность, основу которых составляет трактовка нации как высшей ценности и формы общности. Соответственно, националистом является человек, для которого идея нации является приоритетной в его общественной и политической деятельности.

Различные интерпретации термина национализм, обусловлены различными вариантами его употребления в конкретных культурно-исторических условиях, что неизбежно породило многообразие методологических подходов к изучению нации и национализма. Большинство политологов, занимающихся разработкой теории национализма, сходятся во мне-

нии, что конкретные национализмы оказались настолько разными и поэтому нет возможности сформулировать какую-либо универсальную теорию национализма. «При этом речь должна идти не только о разных моделях национализма в разных регионах мира или о разных этнических национализмах, но и о вариативности в рамках, казалось бы, единой традиции» [2]. В таких условиях важен конкретно-исторический анализ интересующего исследователя национализма.

В истории «национализмов» в годы революции и Гражданской войны на территории Сибири роль историков практически не изучена. Цель данной работы — рассмотреть имеющиеся в отечественной историографии подходы к национализму коренных нерусских народов Сибири выявив влияние качеств личностей исследователей на содержащиеся в их работах оценки деятельности националистов и потенциал исторического анализа национализмов сибирских народов для теоретического анализа феномена национализма.

Изучение истории национализма проводилось советскими учеными в рамках изучения «национального вопроса» [2], в свою очередь, исследовавшегося историками при работе над проблемами борьбы политических партий России и в рамках исследования революции и Гражданской войны. В 20-х гг. XX в. Коммунистической академией планировалось начать работу по изданию пяти томов документов и материалов по истории национального вопроса в России и в СССР в XX в. Вышел всего один том сборника документов «Революция и национальный вопрос в России» охватывавший период с февраля по октябрь 1917 г. [3]. В условиях становления культа личности И. В. Сталина и давления командно-административной системы разработка тематики вскоре была прекращена, и остальные тома не были изданы. После

разоблачения культа личности, внимание исследователей к истории революции, и в том числе к национальному вопросу, в ней резко возросло. Советские специалисты, обращаясь к проблемам революции и Гражданской войны в России, должны были как можно более точно опираться на труды В. И. Ленина. В 1970 году появилась коллективная работа «В. И. Ленин и история классов и политических партий в России». В ней был представлен анализ основных ленинских произведений; показано, как советские историки овладевали ленинским наследием, были сделаны теоретико-методологические выводы, которых они должны были придерживаться, наполняя конкретным фактическим содержанием. При изучении истории революции и Гражданской войны за основу ученые должны были брать ленинский тезис о том, что «основной политической организацией российской буржуазии в годы гражданской войны, как и в 1917 году, оставалась партия Народной свободы. Кадеты стали главным политическим штабом контрреволюции» [4]. В соответствии с этим положением во всех исторических работах прочие антибольшевистские силы представлялись в фарватере кадетской политики, в том числе и на территории Сибири [5, 6].

Первой работой, посвященной самостоятельному исследованию национального вопроса в программах политических партий России в советской историографии, была монография Т. Ю. Бурмистровой и В. С. Гусаковой [7]. По Сибири в советской историографии наиболее масштабной работой, затрагивающей практически все аспекты истории национального вопроса, являлась монография В. А. Демидова «Октябрь и национальный вопрос в Сибири». Впервые появилось исследование, в котором показаны не только позиции основных политических партий по национальному вопросу, но и в сочетании с ними уделялось внимание движениям отдельных народов края. Автор использовал огромный комплекс источников, до него практически не задействованных исследователями. Он охарактеризовал политическую деятельность представителей этнических элит как «буржуазно-националистическую и антисоветскую». В фактическом плане монография по сей день имеет большое значение. В методологическом плане работе присущи все недостатки, характерные для работ советских историков. А. В. Демидов, как «буржуазно-националистическую и антисоветскую» и в соответствии с существующей в то время идеологической установкой рассматривал национальный вопрос «второстепенным после вопроса классовой борьбы» [8]. Следует подчеркнуть, что приводившиеся в работах Демидова ссылки на исторические источники, подтверждали правильность оценок автора по поводу «национализма» и «антисоветского характера деятельности интеллигентов». В то же время с позиции современной науки не выдерживает критики оценка их деятельности как «буржуазная», так как националисты в своей деятельности ставили на первый план интересы своих народов — наций и старались предотвратить классовую борьбу в своих народах.

Представление в работах В.А. Демидова оценки лидеров политических элит нерусских народов Сибири, как «буржуазных националистов, антисоветчиков» лишало выходцев из народов, получивших национальную государственность от большевиков, благодаря деятельности описанных Демидовым интеллигентов-просветителей, возможности построить полноценный «пантеон национальных героев». Поэтому еще в период подготовки Демидовым доктор-

ской диссертации «историки-националисты», представители этнических групп идеологов национализма, которых критиковал Демидов, развернули с ним борьбу на всех фронтах. Алтайские, бурятские, якутские историки выступили единым фронтом на защиту своих «национальных пантеонов». Например, бурятский историк П. Т. Хаптаев, автор двух монографий по истории Бурятии [9, 10], считал, что освещение Демидовым вопросов национального движения и национально-государственного строительства в Бурятии «представляет грубое искажение истинного положения вещей». Суть этого спора сводилась к оценке деятельности органов национально-территориального самоуправления созданных бурятскими националистами которые Демидов считал антисоветскими и контрреволюционными, а Хаптаев — органами национального самоуправления бурят, сыгравшими положительную роль в поднятии национального самосознания бурятского народа. Со стороны Якутского обкома партии делались неоднократные попытки заблокировать издание обобщающего труда Демидова [11]. Провалился и выезд противников на защиту диссертации Демидова. Многочасовая защита все же увенчалась успехом: выводы Демидова были подкреплены серьезной доказательной базой, основанной на архивных документах, они вписывались в господствовавшую в советской науке государственную историческую концепцию.

Из-за идеологического диктата работы советских историков в теоретико-методологическом плане далеко отставали от мировой науки. Но, несмотря на авторитарный характер политической системы, жесткий идеологический диктат, в советской историографии шли жаркие дискуссии о деятельности националистов в годы революции и Гражданской войны. Следует подчеркнуть особенность: и «ортодоксальные историки-марксисты», и «периферийные историки-националисты» даже в рамках тоталитарной советской идеологии и государственной исторической концепции, направленной на поддержку строительства новой исторической общности — «советского народа», при изучении национализма в годы революции и Гражданской войны одинаково выходили за рамки собственно научных исследований, выдавая политически ангажированные оценки. Позиция «периферийных историков — националистов» определялась их принадлежностью к титульной этнической общности, на «национальный пантеон» которой посягала господствующая «ортодоксально-марксистская» точка зрения, поддерживаемая общегосударственной идеологией и государственной исторической концепцией. Периферийный этнический национализм имел вектор направленности на общегосударственную дезинтеграцию, в то время как интернационалисты, ортодоксальные марксисты своими трудами создавали основы общегосударственной интеграции.

После распада СССР историческая общность — советский народ, стала мифом. В России, в условиях отсутствия интегрирующей общегосударственной национальной идеологии и государственной исторической концепции, политические элиты нерусских народов, получивших национально-государственные образования в начале 20-х гг. XX в., начали активно обосновывать легитимность своих республик и областей. Для них политически привлекателен был лозунг современного татарского националиста И. Р. Тагирова: «Российская Федерация должна быть ассиметричной с элементами конфедерации». Для этого нужно было «сделать национальными героями» людей,

благодаря политической деятельности которых, стало возможно создание на территории бывшей Российской империи национально-государственных образований — националистов начала XX столетия. Многолетняя работа Демидова по изучению истории Сибири препятствовала этому. Следует отметить, что Демидов и после развала Советского Союза оставался убежденным сторонником марксистско-ленинской парадигмы изучения национализма, вводя в свои новые работы свежий архивный материал, сохраняя при этом методологию и основные выводы из главной своей работы [12].

В работе, написанной в соавторстве с сыном, В. А. Демидов сохранил прежние теоретико-методологические установки при оценке деятельности националистической интеллигенции утверждая, что в основе деления на революционно-демократическую и буржуазно-националистическую интеллигенцию «в конечном счете лежали классовые интересы» [13]. Данный взгляд на национализм не соответствует природе этого явления. Во-первых, националисты всегда стремятся к надклассовой консолидации членов представляемой ими нации, предлагая соответствующую идеологию. Во-вторых, вызывает возражение размежевание националистически настроенной интеллигенции на революционно-демократическую и буржуазно-националистическую. Вся инородческая интеллигенция Сибири была революционно-демократическая, так как, с революцией связывала надежды на реализацию своих планов и это, по представлениям того времени, было демократично. Не случайно историки, представители народов Сибири, относят к революционно-демократической интеллигенции тех, кого В.А. Демидов относит к буржуазно-либеральной [14].

Очевидно, что при характеристике националистических партий и движений в связи с их идеологическими ориентациями по социальным вопросам следует уйти от использования категории «демократизм», не обладающей устоявшимся смысловым содержанием, и оговаривать характер их деятельности. В случае, если человек или партия исповедуют национализм и социальные ценности какой-либо политической идеологии совместно (так чаще всего и бывает), классифицировать их деятельность нужно на основе взаимосвязанных категорий, например, как националист-либерал или националист-социалист в каждом случае фиксируя партийную установку на политический статус представляемого этноса в государстве. Возвращаясь к работе Демидова, следует отметить, что почти верно определял деятельность представителей этнических Сибири как «буржуазно-националистическую, антисоветскую». Однако, на наш взгляд, точнее было бы говорить о деятельности «националистов-либералов или в зависимости от ситуации националистов-социалистов». Подчеркнем, что националистическая партия в своей программе и практической деятельности приоритетными выдвигает именно реализацию интересов нации (в этнической или гражданской трактовке) и для их реализации варьирует социальные, классовые интересы. Так, бурятские националисты в борьбе за автономию своего народа после Февральской революции активно сотрудничали с эсерами, затем, разочаровавшись в социалистах-революционерах, сотрудничали с большевиками; после падения Советской власти в Восточной Сибири вели диалог с атаманом Г. М. Семёновым, временным Сибирским правительством, адмиралом А. В. Колчаком, а после поражения белых в Гражданской войне пошли на сотрудничество с коммуниста-

ми, получив от них национально-территориальную автономию. Практически все «национализмы сибирских народов» в годы революции и Гражданской войны проделали примерно такой же путь.

В кандидатской диссертации бурятского историка В.В. Бабакова содержится мягкая критика политизированности работы Демидова: «В.А. Демидов стремился развенчать националистические концепции и показать контрреволюционную практику буржуазных националистических групп и их лидеров. Такая трактовка проблемы носит больше политический, чем научный характер» [15]. Изучения национализма — явления политического, невозможно осуществлять без оценок имеющих политическую значимость. Любое историческое исследование национализма, как говорилось выше, не может быть «чисто научным», оно обязательно имеет политическое значение. Так, в общем, справедливое отрицание Бабаковым буржуазного характера деятельности бурятской интеллигенции, утверждение им, что «с самого начала своей деятельности бурятская интеллигенция выступила в роли лидера общенационального движения бурят» имеет политическое значение для легитимности современной бурятской государственности и продолжает идеи работ о Бурятии Хаптаева о которых говорилось выше [15, с. 39].

Современный якутский «историк-националист» Е. Е. Алексеев, считая труды Демидова «ненаучными», «выдвинул собственную трактовку национализма, снимающую традиционно негативную коннотацию». Он заявил, что им «впервые на концептуальном уровне опровергнута и доказана несостоятельность постулатов советской историографии, которая трактовала все национальные партии, общины и землячества как «националистические». Такой подход существенно обогащает историю Якутии новыми именами» [16]. Алексеев, признавая интеллектуалов-просветителей националистами, по соображениям идеологической конъюнктуры, просто заменил отрицательную оценку деятельности националистов, содержащуюся в советской ортодоксальной историографии, на положительную. Он определил национализм как «любовь к родному народу и родной стране, естественное состояние каждого нормального человека и народа» [16, с. 43]. При этом в работе Алексеева содержится множество политически ангажированных утверждений, которые ничего общего с наукой иметь не могут. Например, «СССР, гордо именуемый на словах союзом равноправных народов, в действительности был унитарным, бюрократически организованным русским государством с центром в Москве» [16, с. 5].

Сложность и многовариантность феномена национализма заставляли политологов отказаться от возможности создания универсальной типологии этого феномена, признав существование множества национализмов. В таких условиях историческое исследование конкретного национализма, казалось, должно способствовать продвижению в изучении явления национализма в целом. Однако в рамках национальной традиции политически беспристрастное историческое исследование национализма оказывается невозможным, ограниченным субъективным влиянием личности исследователя, на особенности которой при использовании исторических работ для теоретико-методологических обобщений, посвященных феномену национализма, нужно делать поправку. В таких условиях для исследования национализмов в тех или иных странах и регионах большое значение имеют

исследования ученых представителей иных культур, не связанных с предметом исследования.

В уже упомянутой работе Эрик Дж. Хобсбаум пришел к выводу, что «к сожалению, история, которая угодна националистам, отличается от истории, которую должны представлять профессиональные академические специалисты, пусть даже идеологически пристрастные. Первая — это ретроспективная мифология» [1]. Политически беспристрастное историческое исследование национализма практически невозможно. На результаты исторического исследования национализма влияют этническая принадлежность автора, а также его политические взгляды, на которые, в свою очередь, влияние оказывает состояние общественного сознания в стране и регионе. Фактор субъективного влияния личности историка на результаты исследования национализма является существенной особенностью исторической науки. Несмотря на это, без конкретно-исторических исследований невозможно концептуальное осмысление понятий нация и национализм, невозможно полномасштабное осмысление исторических событий и эпох, в которых националисты являлись ведущими действующими лицами. В таких условиях при исследовании национализма необходим отказ от категорий «плохой — хороший». Национализм необходимо рассматривать с точки зрения политических интересов общности, которую он защищает, указывая на его интегрирующую или дезинтегрирующую функцию. При этом следует понимать, что политические интересы по своей природе всегда будут спорны и оспариваемы.

Библиографический список

1. Хобсбаум, Эрик Дж. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе / Эрик Дж. Хобсбаум // *Нации и национализм*. — М.: Праксис, 2002. — С. 332.
2. Национализм в мировой истории / под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. — М.: Наука, 2007. — С. 7.
3. Революция и национальный вопрос: документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в 20 веке. Т. 3. 1917. Февраль — Октябрь. — М., 1930. — 467 с.

4. В. И. Ленин и история классов и политических партий в России / Ред. коллегия: М. П. Ким (гл. ред.) и др. — М.: Мысль, 1970. — С. 239.
5. Думова, Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром / Н. Г. Думова. — М.: Наука, 1983. — 414 с.
6. Иоффе, Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах / Г. З. Иоффе. — М.: Мысль, 1983. — 294 с.
7. Бурмистрова, Т. Ю. Национальный вопрос в программах и политике политических партий в России 1905—1917 гг. / Т. Ю. Бурмистрова, В. С. Гусакова. — М.: Мысль, 1976. — 259 с.
8. Демидов, В. А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917—1923 гг. / В. А. Демидов. — Новосибирск: Наука, 1983. — С. 16.
9. Хаптаев, П. Т. Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война в Бурятии / П. Т. Хаптаев. — Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1964. — 263 с.
10. Хаптаев, П. Т. Бурятия в годы Гражданской войны / П. Т. Хаптаев. — Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1967. — 263 с.
11. Памяти В. А. Демидова // *Вестник НГУ. Серия История. Филология*. — 2005. — Т. 4, вып. 2. — С. 162.
12. Демидов, В. А. От Каракурума к автономии: Пособие к спецкурсу / В. А. Демидов. — Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1996. — 156 с.
13. Демидов, В. А. Бурятия: от степных дум к автономии / В. А. Демидов, В. В. Демидов. — Новосибирск: СибАГС, 2001. — С. 23.
14. Цибилов, Б. Д. Бурятские ученые национал-демократы / Б. Д. Цибилов. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. — 250 с.
15. Бабаков, В. В. Бурнацком — Бурнацума: первый опыт национально-государственного строительства в Бурятии: дис. ... канд. ист. наук / В. В. Бабаков. — Улан-Удэ, 1997. — С. 13.
16. Алексеев, Е. Е. Национальный вопрос в Республике Саха (Якутия) (1917—1941 гг.): дис. в виде научного доклада ... д-ра ист. наук / Е. Е. Алексеев. — Казань, 1999. — С. 10.

СУШКО Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: AlexSushko@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 28.06.2011 г.

© А. В. Сушко

Книжные полки

Агамбен, Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение / Дж. Агамбен; пер. с итал. — М.: Европа, 2011. — 148 с. — ISBN 978-5-9739-0203-2.

Чрезвычайное положение, или приостановка действия правового порядка, которое мы привыкли считать временной мерой, повсюду в мире (не исключая России) становится парадигмой обычного управления. Новая книга Агамбена — продолжение его ставшей классической книги «Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь» — это попытка проанализировать причины и смысл эволюции чрезвычайного положения, от Гитлера до Гуантанамо. Двигаясь по «нейтральной полосе» между правом и политикой, Агамбен шаг за шагом разрушает апологии чрезвычайного положения, высвечивая скрытую связь насилия и права.

Тулъев, В. Тайны русских кремлей / В. Тулъев. — М.: Феникс, 2011. — 267 с. — ISBN 978-5-222-18657-2.

В книге в простой и увлекательной форме воссоздается жизнь кремля от Старо-Ладожской крепости эпохи Вещего Олега до Можайского кремля времен Михаила Романова. Читатель узнает, как складывалась духовная символика русских кремлей, чем они отличаются от европейского замка. Познакомится с историей строительства знаменитых Владимиро-Суздальских и Новгородских кремлей, узнает о миланском прототипе Московского Кремля, о судьбах его строителей и городских легендах. Особый интерес представляют постройки времен единого русского государства, в чем-то выразивших его национальный характер, боевую мощь, духовную силу. Многие изложенные в книге факты до сих пор встречались только в первоисточниках и в специальной литературе и не доводились до широкого круга читателей.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО РЕФОРМИРОВАНИЮ ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ (МАРТ 1917 – ОКТЯБРЬ 1917 гг.)

Рассматривается законодательство Временного правительства в области реформирования органов городского самоуправления в период социальных катаклизмов (март 1917 – октябрь 1917 гг.).

Ключевые слова: Временное правительство, городское общественное самоуправление, законодательная деятельность, социальные катаклизмы.

Февральская революция 1917 г. заметно активизировала процессы демократизации, становления новых общественно-политических объединений и переустройства действовавших на местах органов городского самоуправления и, в свою очередь, привела к появлению в стране двоевластия. Это означало, что орган, который отстаивал интересы буржуазии (Временное правительство) был наделен официальной властью, а Совет рабочих и солдатских депутатов, представлявший интересы трудящихся, сосредоточил в себе всё реальное управление. Временное правительство, организованное на основе Временного комитета Государственной думы, одновременно сочетало в себе право на издание законов (и декретов) и право на их же самостоятельное исполнение. Связано это было с тем, что в сложившихся революционных обстоятельствах не было возможности создать полноценные правительственные учреждения.

На местах органы управления подвергались очень сильным изменениям. Во-первых, они становились более демократичными, так как давление народных масс на местах было сильным. Во-вторых, наблюдались некоторые центробежные тенденции. Это было напрямую связано с событиями в центре – революция и сопутствующий ей хаос позволяли усилиться местной буржуазии. Однако сложившаяся на местах система административных учреждений отличалась пестротой и сложностью, «конкуренцией власти», а это, в свою очередь, вело к общему ослаблению государственного аппарата Временного правительства.

Реальная власть на местах принадлежала разнообразным по названиям Коалиционным комитетам общественных организаций, которые контролировали вновь созданную милицию и власть над гарнизоном. Всюду рядом с комитетами возникали Советы рабочих и солдатских депутатов, быстро сложившиеся в параллельную систему общественных организаций, имевших и определенные властные функции. Совместными усилиями Комитетов общественных организаций и Советов рабочих депутатов существовавшие ранее органы городского самоуправления были реорганизованы и дополнены делегатами от партий и Советов. Эти реорганизованные временные думы осуществляли управление городским хозяйством вплоть до последующих выборов в новые городские

думы, создававшиеся уже на принципе всеобщего избирательного права.

После образования Временного правительства первым делом оно направило все свои усилия на решение основных внутриполитических проблем. 3 марта 1917 г. оно приняло Декларацию, согласно которой вырабатывались положения о выборах в Учредительное собрание, проводилась всеобщая амнистия и возвращались ссыльные и политические заключенные, всё российское население приобретало гражданские свободы, а во главу предстоящих преобразований ставилась реформа местного самоуправления на основе всеобщего избирательного права [1].

Для этого правительством было создано Особое совещание по реформе местного управления и самоуправления при Министерстве внутренних дел под председательством С. М. Леонтьева (25 марта 1917 г.). В его работе приняли участие многие известные юристы и государственные деятели России: Б. Б. Веселовский, В. Н. Твердохлебов, Д. Д. Протопопов, А. А. Станкевич, Н. М. Тоцкий, Н. Н. Виноградовский и др. В результате из 100 законодательных актов, принятых Временным правительством, более 40 были направлены на осуществление этой реформы:

1. «О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях» (утверждено 15 апреля);
2. «Об учреждении милиции» (17 апреля);
3. «Наказ городским общественным управлениям «О применении Временных правил о производстве выборов гласных городских дум» (3 мая);
4. «Преобразование 41 поселения в городские, с введением Городового положения» (30 мая);
5. «Об изменении действующих положений об общественном управлении городов» (9 июня);
6. «Положение о поселковом самоуправлении» (15 июля);
7. «О гарантировании займов городов и земств» (8 августа);
8. «Наказ о выборе поселковых гласных» (11 августа);
9. «О порядке выделения городов из земств» (сентябрь);
10. «Об изменении правил о городских доходах и расходах» (9 сентября);

11. «Положение о губернских и уездных комиссарах» (19 сентября) и многие другие документы.

Одновременно Временным правительством были разработаны и переданы на места для обсуждения проекты нормативных документов «О составлении городами планов» и «Об образовании в крупных городах домовых комитетов» [1]. Таким образом, реформа охватила достаточно широкий круг вопросов:

1) преобразование на демократических началах городских выборов, с введением Городового положения (в ряде городов впервые), пересмотр действовавшего Городового положения 1892 г., с устранением опеки и подавления самостоятельности городских самоуправлений; улучшение городских финансов и кредита для городов; учреждение мелких городских единиц в крупных городах и составление правил о планах городов. Наконец, более крупные города были выделены из земств и городам предоставлены самые широкие права вступать в союзы с городами и земствами;

2) создавалось поселковое самоуправление (напоминавшее прежнее упрощенное городское устройство — **О.Ч.**);

3) преобразовывались на широких демократических началах губернские и уездные земства. Было изменено Земское положение, с устранением административной опеки и подавления самостоятельности земства; улучшены земские финансы и кредит для земств. Наконец, земство вводилось почти повсюду в стране — с отличиями, вызванными местными особенностями;

4) было издано положение о преобразовании полиции в земскую и городскую (выборную) милицию. Вводились административные суды, призванные охранять законность, готовилось преобразование губернского и уездного управления [2].

Надо отметить, что в области подготовки законопроекта о выборах в органы местного самоуправления Временное правительство столкнулось с волей Петроградского Совета, которому Министерство внутренних дел передало свой проект на заключение 11 апреля 1917 г. Исполком Совета потребовал, чтобы был понижен возрастной ценз для избирателей с 21 года до 19 лет, изъят пункт об обязательном цензе оседлости в три месяца [3]. В той или иной форме, как показывает изучение текста постановления Временного правительства от 15 апреля 1917 г., эти поправки были учтены.

Постановление «О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управах» вводило в действие новые временные правила о производстве выборов гласных и временные правила об участковых управлениях, которые уже получили наименование «районных дум» [4]. Впервые им вводилось всеобщее избирательное право в нашей стране, равное, прямое, с тайным голосованием. Россия приобщилась к практике западно-европейской избирательной жизни с предвыборной борьбой политических партий, партийными списками на выборах, с пропорциональной системой представительства. Выборы в органы местного самоуправления, подготовка к которым начиналась в городах страны летом 1917 г., должны были стать первой школой выборной техники, «генеральной репетицией выборов в Учредительное собрание» [3, с. 232].

В городах, где действовало Городовое положение 1892 г., городская управа немедленно, не дожидаясь срока истечения полномочий старых дум, приступала к составлению избирательных списков выборов в но-

вые городские думы и разделению городов на отдельные избирательные участки.

Гласные новых дум избирались на срок до 1 января 1919 г. Постановление также определяло число гласных, подлежащих избранию в каждом городе. Важнейшую норму, определяющую корпус избирателей, содержал п. 3. постановления: «Правом участия в выборах гласных пользуются российские граждане обоюбого пола всех наций и вероисповеданий, достигшие ко времени составления избирательных списков 20 лет, если они во время составления избирательных списков проживают в данном городе, либо имеют в городе домашнее обзаведение или состоят там на службе, или же имеют иные, связанные с городом определенные занятия. Лица, состоящие на военной службе, принимают участие в выборах на общих основаниях» [4].

Таким образом, провозглашалось всеобщее и равное избирательное право для российских граждан, включая женщин, военнослужащих и представителей всех национальностей. Во многих странах Запада женщины в это время еще не имели избирательных прав. Лишены их были и военнослужащие. Поэтому внесение этих норм в положение о выборах являлось прогрессивным с точки зрения передовых идей буржуазно-государственно-правовой науки. Для конкретно-исторических условий России важнейшее значение имело и предоставление права участия в выборах в городские думы солдатам. Во многих городах России в это время были значительные воинские гарнизоны.

Правда, п. 3 содержал и небольшое преимущество для городской буржуазии. Домовладельцы, проживавшие в других местностях, могли к моменту выборов прибыть в данный город и участвовать в голосовании [4]. Но при включении в списки для голосования десятков, а иногда и сотен тысяч новых избирателей, ранее лишенных права избирать в городские думы, эта льгота для городских домовладельцев не могла уже существенно изменить состав городских дум в пользу буржуазии.

В то же время правительство не предоставляло избирательных прав для участия в выборах в органы городского самоуправления высшим административным лицам, их заместителям и помощникам, служащим местной милиции или полиции. В выборах не могли также участвовать «монашествующие» и признанные в законном порядке глухонемыми, сумасшедшими и безумными. Права участвовать в выборах лишались также лица, лишенные их по суду, а также осужденные за целый ряд уголовных преступлений, содержатели домов терпимости [4].

Важнейшей нормой было предоставление пассивного избирательного права не только проживающим в данном городе лицам, но всем гражданам, удовлетворяющим прочим условиям получения избирательного права. Поэтому в списки кандидатов могли быть включены деятели политических партий, которые проживали в момент составления списков избирателей в других городах или местностях. Списки избирателей должны были быть составлены в течение двух недель с момента обнародования данного постановления и их сведения можно было опротестовать в течение 5 дней после предъявления для всеобщего обозрения. Выборы должны были производиться в воскресный или праздничный день, о чем необходимо было объявить за две недели [4].

Затем в постановлении определялся порядок предъявления списков кандидатов в гласные. Любая группа избирателей числом не менее половины количества

гласных, которые должны были избираться в данном городе, могла подать свой список кандидатов. Постановление принимало пропорциональную систему представительства. Общее число гласных, подлежащих избранию, распределялось между заявленными списками пропорционально числу голосов, поданных на выборах за каждый список. Таким образом, постановление от 15 апреля 1917 г. являлось значительной победой трудящегося населения России.

Сами по себе новые органы самоуправления, хотя и освобождались частично от мелочной опеки со стороны представителей царской власти, тем не менее не получали всей полноты власти на местах. Их компетенцией по-прежнему оставалось городское хозяйство и управление им. Политика в широком смысле оставалась за рамками деятельности городских дум, равно как и властное распоряжение местными делами. Конечно, компетенция органов городского самоуправления заметно расширялась по сравнению с прежним Городовым положением 1892 г. В частности, городские думы наделялись правом издавать обязательные для жителей постановления по всем вопросам местного значения. Однако, отдельные решения подлежали утверждению правительством, но их круг был заметно сужен. Губернский комиссар имел право опротестовать постановление городской думы лишь в случае его незаконности. Протест подавался в окружной суд, призванный восстанавливать законность в деятельности институтов публичной власти и лиц. По решению суда постановление думы оставалось в силе либо отменялось протестом комиссара [5].

Постановление от 15 апреля 1917 г. подтверждало уже сложившуюся систему организации местной власти и управления, унаследованную от царского времени: правительственный комиссар, которому перешла значительная часть прав прежнего губернатора, и городское общественное управление, ведавшее городским хозяйством. Существовавшие на местах временные комитеты общественных организаций как чрезвычайные органы власти должны были быть после избрания новых дум ликвидированы.

15 июля 1917 г. Временным правительством было утверждено «Положение о поселковом управлении», которое предстояло ввести в железнодорожных, фабрично-заводских, рудничных, дачных и иных населенных местах, если там имелись достаточно выраженные местные потребности в благоустройстве [6].

Из первоочередных мер Временного правительства следует выделить постановление от 13 марта 1917 г. об упразднении корпуса жандармов и департамента полиции с заменой полиции народной милицией. В соответствии с законом «Об учреждении милиции» 17 апреля 1917 г., в ведение городских органов власти передавалась охрана общественного порядка: «милиция есть исполнительный орган государственной власти на местах, состоящий в непосредственном ведении земских и городских общественных самоуправлений» [7]. В губернии деятельность милиции контролировали губернский комиссар и правительственный инспектор. В случае обнаружения серьезных нарушений правительственный инспектор мог потребовать от земской или городской управы отстранить от должности некомпетентного начальника милиции. Должность начальника милиции замещалась уездной или городской управой. Начальник отвечал перед уездным земством или городом за работу милиции. Он сам выбирал себе помощников, которые заведовали отдельными участками милиционеров. По закону, милиционером мог быть любой русский под-

данный, достигший 21 года, если он не состоял под следствием и судом, а также не являлся несостоятельным должником [8].

Таким образом, благодаря огромной работе российских законодателей, созданное законодательство по всеохватности вопросов и их глубочайшей проработанности выстраивалось в новую для России и для мировой юридической мысли отрасль права — муниципальное. Необходимо все же заметить, что решение задачи создания такого законодательства вряд ли было бы осуществлено в столь короткие сроки, если бы не огромный опыт и многочисленные проекты, накопленные общественно-политическими деятелями в ходе бесконечных попыток реформировать устройство российской местной жизни в последние десятилетия существования Российской империи.

Однако всем этим начинаниям в итоге не суждено было сбыться. После Октябрьской революции 1917 года городское самоуправление просуществовало недолго. Несмотря на то, что одни из первых декретов Временного Рабочего и Крестьянского Правительства говорили о расширении прав местного самоуправления: «О расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле» (опубликован 28 октября 1917 г.), «О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса» (опубликован 30 октября 1917 г.), «О волостных земельных комитетах» (постановление Наркомата земледелия от ноября 1917 г.), вскоре стало ясно, что новая власть не уживется с прежней системой местных общественных управлений [1].

В связи с этим, 19 декабря 1917 г. за подписью председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ленина был опубликован декрет «Об учреждении комиссариата по местному самоуправлению», образовательно для благой цели «...объединения деятельности всех городских и земских учреждений». Вновь созданному ведомству из Комиссариата внутренних дел были переданы главное управление по делам местного хозяйства, касса городского и земского кредита и другие, относящиеся к местному самоуправлению, учреждения [8, с. 168].

Таким образом, реформа городского общественного управления Временного правительства базировалась, прежде всего, на стремлении сохранить приоритет центральной администрации, единообразие системы власти и управления в стране. Но в связи с политической неустойчивостью в стране органы городского самоуправления, несмотря на реализованную законодательную инициативу, не сумели проявить себя в полной мере, благодаря октябрьским событиям 1917 года. В октябре 1917 г. на смену «старому порядку» пришел новый, в котором институт городского общественного самоуправления получил другое место в системе государственных учреждений и, в определенной степени, новое научное осмысление.

Библиографический список

1. Российское законодательство X—XX вв. В 9 т. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / Отв. ред. О.И. Чистяков. — М.: Юридическая литература, 1994. — С. 327.
2. Веселовский, Б. Б. Земство и земская реформа / Б. Б. Веселовский. — Петроград, 1918. — С.30—32.
3. Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. — Л.: Наука, 1980. — С. 231.
4. Временное правительство 1917 года о производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управ-

лениях // Муниципальное право. — 1999. — № 2. — Режим доступа : <http://rels.obninsk.com/rels/limited/nsub/ml/ml-fs.asp> (дата обращения : 06.02.2011).

5. Храмцов, А. Б. Городское самоуправление Тюмени в 1917 г. — Режим доступа : http://ural-yeltsin.ru/knigi/knigi_po_istorii_rossii/document636/ (дата обращения : 06.02.2011).

6. Постановление Временного правительства «О поселковом управлении». — Режим доступа : <http://www.emsu.ru/lm/monf/library/MUN4/17.htm> (дата обращения : 06.02.2011).

7. Соловей, Ю. П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации. — Омск, 1993. — С. 21–23.

8. Лаптева Л. Е. Земские учреждения в России / Л. Е. Лаптева. — М., 1993. — С. 124–127.

ЧУДАКОВ Олег Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения.
Адрес для переписки: chudakov55@rambler.ru.

Статья поступила в редакцию 09.02.2011 г.

© О. В. Чудаков

УДК 947.084.5

А. Н. ШАГЛАНОВ

Омский государственный
педагогический университет

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В ИССЛЕДОВАНИИ БОРЬБЫ С БАНДИТИЗМОМ В ОМСКОЙ ГУБЕРНИИ 1919–1925 гг.

Советская и российская историография имеют много сложных и дискуссионных аспектов по проблемам борьбы с бандитизмом в Омской губернии 1919 – 1925 гг. Историки спорят о видах и формах проявления бандитизма, потому что историческая наука не имеет четкого определения бандитизма. Научное исследование бандитизма в отечественной историографии имеет четыре периода развития.

Ключевые слова: бандитская шайка, политический бандитизм, уголовный бандитизм, «красный» бандитизм, бандитское выступление, бандитские нападения.

Бандитизм как особый вид вооруженной преступности и социально опасное явление неоднозначно оценивался на разных этапах исторических исследований. В отечественной историографии можно выделить два основных направления: советские исследования и постсоветские публикации. Периоды в исследовании бандитизма включают в себя 4 этапа.

Первый этап относится к периоду начала 1920-х — первой половины 1930-х гг. и представлен работами советских ученых-юристов, военных теоретиков, историков и криминалистов. Данные работы раскрыли факторы, способствовавшие возникновению и эскалации бандитизма в городской и сельской местности, определили классовый и возрастной состав участников бандитских преступлений, выявили тесную взаимосвязь бандитизма с недостатками экономической политики советского государства.

И. И. Слесарев в работе «Красная Армия наступает» подробно изображает картину того огромного количества различного оружия, которое осталось в декабре 1919 г. после бегства колчаковской армии на брошенных складах. Последнее являлось одним из главных факторов, способствовавших появлению многочисленных вооруженных бандитских отрядов и групп [1]. Исследователь П. Померанцев рассматривал западносибирское восстание в 1921 г. как массовое повстанческое антисоветское движение, выродившееся в итоге, в политический бандитизм [2].

Исследователь Г. Рогинский рассматривал бандитские налеты с точки зрения степени угрозы основам государственного строя и общественному порядку. Он утверждал, что покушение на совершение какого-либо преступления может квалифицироваться опаснее, чем совершенное в других условиях и другими лицами такое же преступление. Наряду с этим Г. Рогинский рассматривал бандитизм как посягательство на личную безопасность граждан в трех возможных проявлениях: разбой, грабеж и вооруженная кража [3]. М. Андреев в статье «Воровские шайки» рассматривал проблему соотношения преступной деятельности банд и воровских шаек. Он констатировал сложившуюся практику приравнения бандитских шаек к воровским шайкам в судебной практике 20-х годов. Главный вопрос для судебной системы в то время состоял в том: можно ли деятельность участников воровских шаек квалифицировать по статье 76 УК РСФСР 1922 г., которая, в свою очередь, предусматривала ответственность за бандитизм. В итоге М. Андреев делает вывод, что квалификацию краж корректно проводить только по статье 183 УК, но не по ст. 76, как это нередко осуществлялось на практике. Потому что основным признаком бандитизма — открытые вооруженные нападения, ограбления, налеты, а отнюдь не тайное хищение [4].

Т. Зейлигер утверждала, что необходимо отличать налеты, квалифицируемые по статье 76, от

вооруженных нападений, квалифицируемых по статье 184 УК РСФСР, так как деятельность преступной шайки отличается от рядового грабежа часто случайно вооруженными злоумышленниками. Статья 184 ч. 2, утверждает Т. Зейлигер, говорит о корыстном разбойном нападении путем тяжкого и психического насилия на отдельных граждан, учиненного лицами (группой), и отсылает по наказуемости к бандитизму по 76-й статье УК РСФСР. Вместе с тем Т. Зейлигер подмечает важную составляющую особенность банды, которая заключается в том, что не может быть наличия банды по ст. 76, если нет участия одних и тех же лиц в нескольких однородных преступлениях, объединенных единством насильственного характера, единством руководства [5]. Советский ученый-юрист, специалист в области уголовного права А. А. Пионтковский, разбирая проблему о сущности контрреволюционных преступлений в РСФСР, сделал следующие выводы относительно положений ч. 1 ст. 58 УК РСФСР, согласно которой организация в контрреволюционных целях вооруженных восстаний или вторжение на советскую территорию вооруженных отрядов или банд, должна применяться даже тогда, когда участие во вторжении на советскую территорию бандитского отряда было направлено всего лишь с целью грабежа, но с заведомым сознанием, что это действие направлено на свержение, подрыв или ослабление Советской власти [6]. А. Орлинский, считая власть ревкомов и Советов в районах, подконтрольных бандитам, чисто номинальной, в то же время важным сдвигом в борьбе с бандитизмом считал объединение советского, партийного и военного аппарата [7]. М. Н. Тухачевский, разграничивая крестьянские восстания и бандитизм, определял последний как форму крестьянского повстанчества, организуемому путем формирования бандитских повстанческих отрядов [8]. Исследователь Е. Ярославский в 1931 г. в статье «Ленин и НЭП» отмечал, что сильно распространившийся бандитизм начала 20-х годов был одной из форм кулацких выступлений [9].

В плане мероприятий по борьбе с бандитизмом военный теоретик Н. Е. Какурин констатирует, что численность отрядов, преследующих банды, не должна была превышать численность бандитских отрядов, так как это отражалось на их гибкости и подвижности. Наиболее эффективным методом наравне с оккупацией районов, занятых бандами, являлся метод использования легучих колонн и отрядов, неотступно преследующих банды до полного их уничтожения и рассеивания [10].

Таким образом, бандитизм рассматривался как преступление государственное, т. е. одно из особо опасных преступлений, посягающих на основы государственного управления в области охраны общественной безопасности и правопорядка.

Второй этап приходится на вторую половину 1930-х гг. — конец 1950-х гг. Работы, освещающие деятельность правоохранительных и силовых структур по противодействию бандитизму носят весьма поверхностный и крайне тенденциозный характер. Среди историков данного периода можно отметить таких исследователей, как В. Ульрих, А. Филимонов, В. И. Пинчук, М. В. Кожевников, М. И. Калинин, С. И. Гусев, Э. Б. Генкина, С. Я. Булатов, М. А. Богданов, П. Ф. Николаев. В частности, В. Ульрих в статье посвященной деятельности силовых и правоохранительных ведомств «20 лет деятельности ВЧК-ОГПУ-НКВД», ограничивается описанием роли всего репрессивно-карательного аппарата в деятельности по пресечению бандитской преступности [11].

С. И. Гусев в работе «Гражданская война и Красная Армия» поднимает проблемы, связанные с «красным» бандитизмом. Так, в его работе рассматривается проблема эффективности борьбы с «красным» бандитизмом через анализ проводимых чисток в органах государственной власти [12]. Э. Б. Генкина усматривает многочисленные проявления «красного бандитизма» в деятельности продорганов [13]. Крайне важным моментом рассматриваемого периода является введение в научный оборот историком А. Филимоновым термина «бандитские выступления» [14].

Меры по розыску и поимке уголовных бандитов, констатирует М. И. Еропкин, по линии милиции шло в тесной взаимосвязи с деятельностью органов исполкома, Красной Армии и ВЧК [15].

Третий этап приходится на начало 1960-х гг. и конец 1980-х годов. Данные труды внесли вклад в изучение бандитизма по вопросам боевой тактики, целей, характера преступной деятельности, численности, а также вооружения банд. В данный период бандитизм как явление и преступное деяние начинают активно исследовать в русле концепции «вооруженных бандитских выступлений и восстаний». Так, И. Я. Трифонов говорит о так называемых «кулацких бандитских выступлениях» [16]. Но данное понятие, к сожалению, является слишком собирающим и объединяет в большинстве случаев целый конгломерат абсолютно отличных друг от друга вооруженных выступлений, в том числе крестьянские восстания и вооруженные мятежи. Ю. С. Кукушкин указывает на весьма важный и показательный факт, что нередко банды действовали и в тех районах, где никогда не было антисоветских мятежей [17].

Н. М. Кучемко, определяя бандитизм как форму классовый борьбы и характеризую политический бандитизм как широкое антисоветское движение, также является сторонником концепции «бандитских выступлений», которые, по его мнению, раскрывают их явный антинародный характер, выражающийся в не менее тесной связи уголовного и политического бандитизма [18]. Исследователи Н. Я. Гуцин и В. А. Ильиных, придерживающиеся мнения об общем характере антисоветских вооруженных выступлений, анализируют ущерб, нанесенный бандитами сельскому хозяйству в начале 20-х годов, разграничивая при этом друг от друга мятежи и бандитизм. Но в то же время они относят к антисоветским вооруженным выступлениям не только бандитизм, но и действия так называемых контрреволюционных организаций [19]. В. И. Шишкин в работе «О социальной природе антисоветских вооруженных выступлений в сибирской деревне (конец 1919 — начало 1921 г.)» отмечал, что осенью и зимой 1920 г. сибирская контрреволюция была вынуждена ограничить активные действия организацией мелкий восстаний и поддержкой политического бандитизма [20]. Ю. А. Щетинов говорит о параллельном развитии мятежей и политического бандитизма в ходе общего увеличения числа мелких и крупных очагов контрреволюционного повстанческого движения в период 1920 — 1921 гг. [21]. А. К. Касьян утверждает, что ухудшение политического положения в городе и деревне зимой 1920 — 1921 гг. было главной причиной роста контрреволюционных восстаний и мятежей в ходе которых активизировались действия бандитских групп [22]. Исследователь А. В. Тишков, рассматривая политический бандитизм как тяжелое наследие гражданской войны, констатирует, что большой ущерб советскому строительству в деревне наносили кулацкий террор и мелкие банды уголовников [23].

Учитывая, что многие контрреволюционные выступления в конце 1920 — начале 1921 г. приняли довольно широкий характер, то это давало право большинству исследователей применять такой термин как кулацкий политический бандитизм. В целом, в советской историографии была попытка связать все формы вооружённых выступлений против институтов общества и государства в одно общее понятие — политический бандитизм кулачко-белогвардейской или повстанческой направленности. Данное обстоятельство позволяло историкам довольно широко трактовать проблемы вооружённых выступлений, связанных с развитием бандитизма. К примеру, Д. Л. Голиков считал проявлениями типичного политического бандитизма все антисоветские вооружённые выступления [24].

В работах периода начала 1960-х — конца 1980-х гг. также был проведен тщательный анализ «красного» бандитизма как крайне сложного и неоднозначного явления, охватившего большинство регионов Западной Сибири. В частности, А. В. Гагарин отмечает, что в деятельности сельсоветов и волисполкомов допускались факты злоупотреблений и нарушений советской законности, выражавшиеся в незаконных обложениях налогом, конфискации имущества крестьян и т. п. [25]. Т. И. Галкина усматривала корни «красного» бандитизма как болезненного явления, наблюдавшегося в Омской губернии, в партизанщине [26].

В работах, затрагивающих социальную политику Советской власти в деревне, ряд исследователей указывают на тесную связь роста числа бандитских преступлений с проводимой продовольственной политикой. Ю. П. Титов констатирует, что тяжелое экономическое положение в стране, недовольство крестьян политикой военного коммунизма, особенно продразверсткой, создавали в конце 1920 — начале 1921 гг. благоприятную почву для усиления позиций контрреволюции [27]. Вместе с тем, по справедливому утверждению Л. И. Боженко, экономические проблемы неразрывно связывались и превращались в политические, характеризующие общее отношение крестьян к Советской власти [28].

Четвертый этап включает в себя начало 1990-х гг. — настоящее время. В данный период наметились попытки переосмысления многих проблем советской историографии. Бандитизм стали рассматривать с точки зрения целого комплекса факторов, предопределивших данное преступное деяние как неизбежное последствие Гражданской войны, экономической разрухи и социальной перетряски общества. Исследованная ранее в советской историографии проблема проявлений «красного» бандитизма в регионах Западной Сибири вновь привлекает внимание историков и исследователей. По убеждению исследователя Г. Л. Олех, «красный» бандитизм отражал реакцию части населения на отказ от военно-коммунистических методов в пользу НЭПа. В то же время Г. Л. Олех отмечает, что развитию «красного» бандитизма содействовали сами органы ЧК(ГПУ) [29]. А. М. Плеханов, в свою очередь, указывает, что суцность «красного бандитизма» проявлялась в активных действиях отдельных групп населения, взявших на себя функции органов власти и что в составе данных групп были многие исключенные из РКП(б) и органов власти лица в результате партийных и административных чисток [30]. В свою очередь, в работах А. А. Штырбула, Е. А. Прудниковой выявляется неоднозначный и сложный характер краснобандитских преступлений с точки зрения многих соци-

ально-политических факторов, предопределивших появление данного вида бандитизма. А. А. Штырбул утверждает, что вся сложность «красного» бандитизма состояла не только в социальном составе, но и в различности взглядов сторонников советской власти на общественно-политическое устройство, что и порождало разгул беззаконий на почве данного преступления. В частности, А. А. Штырбул указывает, что «красный» бандитизм выступал более разрозненно и не против коммунистической модели Советской власти в целом, а против конкретных проявлений сверхцентрализации и сверхбюрократизации этой власти. Кроме того, в самой коммунистической партии оказалось немало бывших «красных партизан», революционно настроенных, понимание которыми Советской власти, однако, не во всем совпадало с генеральной линией [31]. Последнее обстоятельство, в свою очередь, позволило Е.А. Прудниковой характеризовать политические взгляды «красных партизан» загадочным явлением общественного сознания той эпохи [32]. В свою очередь, Н. Г. Третьяков определил «красный» бандитизм как главный фактор сохранения на территории Западной Сибири напряженной политической обстановки вплоть до начала 1922 г., следствием чего были постоянные рецидивы вооруженного противостояния [33].

Мероприятия, применяемые в ликвидации повстанчества и бандитизма, пишет А. А. Плеханов, носили схожий характер. Существенный вклад вносили сотрудники ВЧК, которыми применялись специальные методы борьбы: в банды в целях выявления их состава и планов внедряли агентов, уничтожали главарей банд, разлагали банды изнутри, применяли вооруженную силу по согласованию с военным командованием [34].

Советская и современная российская историческая наука не выработала единого подхода к определению бандитизма как особого вида вооруженной преступности. Чрезмерно политизированная трактовка бандитизма устойчиво формировалась на протяжении всего советского периода и привела к большой путанице в понимании иных видов вооруженной преступности. Бандитизм определялся как деяние исключительно антисоветской направленности, совершаемое против институтов государства и общества. Это привело к тому, что такие явления как антисоветские мятежи, антикоммунистические крестьянские восстания толковались, как проявления так называемого политического бандитизма. Таким образом, различные вооружённые выступления и конфликты, в ряде случаев никак не связанные между собой понимались учеными-историками однозначно как политический бандитизм. Из-за этого, в свою очередь, терялась четкая грань между различными видами бандитизма.

Библиографический список

1. Слесарев, И. И. Красная Армия наступает / И. И. Слесарев // В огне революции и Гражданской войны. — Омск, 1959. — С. 188.
2. Померанцев, П. Красная Армия Сибири на внутреннем фронте / П. Померанцев // Красная Армия Сибири. — 1923. — № 3—4. — С. 89.
3. Рогинский, Г. Что такое преступление? / Г. Рогинский // Рабочий суд. — 1926. — № 14. — С. 897—898.
4. Андреев, М. Пробел уголовного кодекса. Воровские шайки / М. Андреев // Рабочий суд. — 1926. — № 2. — С. 123—124.
5. Зейлигер, Т. Из практики по делам о налетах / Т. Зейлигер // Рабочий суд. — 1924. — № 13—14. — С. 77—78.

6. Пионтковский, А. А. Контрреволюционные преступления в Уголовном кодексе РСФСР / А. А. Пионтковский // Советское право. — 1924. — № 2 (8). — С. 21.
7. Орлинский, А. Бандитизм и борьба с ним / А. Орлинский // Армия и революция. — 1921. — № 2–3. — С. 10, 13.
8. Тухачевский, М. Н. Борьба с контрреволюционными восстаниями / М. Н. Тухачевский // Война и революция. — 1926. — № 7. — С. 6, 7, 17.
9. Ярославский, Е. Ленин и НЭП / Е. Ярославский // Большевик. — 1931. — № 5. — С. 13–14.
10. Какурин, Н. Е. Организация борьбы с бандитизмом по опыту Тамбовского и Витебского командований / Н. Е. Какурин // Военная наука и революция. — 1922. — № 1. — С. 94.
11. Ульрих, В. 20 лет деятельности ВЧК-ОГПУ-НКВД / В. Ульрих // Советская юстиция. — 1938. — № 1. — С. 12–13.
12. Гусев, С. И. Гражданская война и Красная Армия / С. И. Гусев. — М.: МО СССР, 1958. — С. 182.
13. Генкина, Э. Б. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921–1922) / Э. Б. Генкина. — М.: Политическая литература АН СССР (Институт истории), 1954. — С. 93.
14. Филимонов, А. Мелкобуржуазная контрреволюция при переходе к НЭПу / А. Филимонов // Исторический журнал. — 1938. — № 4. — С. 44.
15. Еропкин, М. И. Развитие органов милиции в Советском государстве / М. И. Еропкин. — М., 1967. — С. 33.
16. Трифонов, И. Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа (1921–1937) / И. Я. Трифонов. — М.: Политическая литература, 1960. — С. 55.
17. Кукушкин, Ю. С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.) / Ю. С. Кукушкин. — М.: МГУ, 1968. — С. 40.
18. Кучемко, Н. М. Укрепление социалистической законности в Сибири в первые годы нэпа (1921–1923) / Н. М. Кучемко. — Новосибирск: Наука, 1981. — С. 42, 215, 216, 219.
19. Гущин, Н. Я. Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е — середина 1930-х гг.) / Н. Я. Гущин. В. А. Ильиных. — Новосибирск: Наука, 1987. — С. 57, 72.
20. Шишкин, В. И. О социальной природе антисоветских вооруженных выступлений в сибирской деревне (конец 1919 — начало 1921 гг.) / В. И. Шишкин // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. — Новосибирск: АН СССР, 1976. — С. 105.
21. Щетинов, Ю. А. Крушение мелкобуржуазной контрреволюции в Советской России (конец 1920 — 1921 гг.) / Ю. А. Щетинов. — М.: МГУ, 1984. — С. 66.
22. Касьян, А. К. Омск социалистический (1917–1940 гг.) / А. К. Касьян. — Омск: ОГПИ, 1971. — С. 57.
23. Тишков, А. В. Первый чекист / А. В. Тишков. — М.: Воениздат, 1968. — С. 101–102, 119.
24. Голиков, Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. В 2 кн. Кн. 1. / Д. Л. Голиков. — М.: Политиздат, 1978. — С. 302.
25. Гагарин, А. В. Советское строительство в Сибири (1920–1925 гг.) / А. В. Гагарин // Вопросы истории Сибири. — Т. 226, вып. 6. — Томск: ТГУ, 1972. — С. 98.
26. Галкина, Т. И. Из истории Омской партийной организации (1920–1923 гг.) / Т. И. Галкина // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. — Вып. IV. — Томск: ТГУ, 1965. — С. 9.
27. Титов, Ю. П. Борьба советского государства с контрреволюцией в первые годы НЭПа / Ю. П. Титов // Ученые записки. Вып. XXI. Ч. I. Вопросы истории государства и права. — М.: ВЮЗИ, 1970. — С. 83.
28. Боженко, Л. И. К характеристике основных групп крестьянства Сибири после освобождения от колчаковщины / Л. И. Боженко // Вопросы истории Сибири. — Т. 231. — Томск: ТГУ, 1972. — С. 104.
29. Олех, Г. Л. Кровные узлы. РКП(б) и ЧК/ГПУ в первой половине 1920-х гг. Механизм взаимоотношений / Г. Л. Олех. — Новосибирск: НГАВТ, 1999. — С. 106, 108.
30. Плеханов, А. М. Дзержинский. Первый чекист России / А. М. Плеханов. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. — С. 341.
31. Штырбул, А. А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века: Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: Теория и практика. В 2 ч. Ч. 2 (1918–1925) / А. А. Штырбул. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. — С. 135, 142.
32. Прудникова, Е. А. Сталин. Битва за хлеб / Е. А. Прудникова. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. — С. 293.
33. Третьяков, Н. Г. Из истории ликвидации Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. (красный бандитизм) / Н. Г. Третьяков // Тоталитаризм в России (СССР) 1917–1991 гг.: оппозиции, репрессии: матер. науч.-пр. конф. — Пермь, 1998. — С. 19.
34. Плеханов, А. А. Железный Феликс: белые пятна в биографии чекиста / А. А. Плеханов. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. — С. 285.

ШАГЛАНОВ Андрей Николаевич, аспирант кафедры истории, социологии и политологии.
Адрес для переписки: Glabrion@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 16.02.2011 г.
© А. Н. Шагланов

Книжные полки

Архив еврейской истории. Т. 6 / Под ред. О. В. Будницкого. — М.: Росспэн, 2011. — 350 с. — ISBN 978-5-8243-1559-2.

В шестом томе «Архива еврейской истории» публикуются различные материалы и исследования, посвященные истории российского еврейства и охватывающие период с конца XVIII до середины XX в. Открывает том дневник сержанта Б. Г. Комского за 1943–1945 гг., первые записи в котором относятся к периоду битвы на Курской дуге, последние сделаны в Восточной Пруссии. Читатели найдут в книге исследования о роли евреев в основании овцеводства в Белоруссии и реформировании розничной торговли в Великобритании, деятелях сионистского движения в СССР в 1920-е гг. В том включены исследования о «Дер Фрайнд» — первой ежедневной газете на идише в России и позиции американской идишской газеты «Форвертс» по отношению к России и Германии во время Первой мировой войны. Среди документальных публикаций — проект преобразования еврейской жизни, составленный во второй четверти XIX в., переписка о попытках М. А. Адданаова войти на книжный рынок Израиля, письма еврея-солдата русской армии во время Первой мировой войны. Представленные в 6 томе «Архива» материалы извлечены из архивохранилищ Москвы, Санкт-Петербурга, Иерусалима и Нью-Йорка. Среди авторов и публикаторов — исследователи из России, Великобритании, Израиля и США.

«ОБРАЗ ГОРОДА» КАК КАТЕГОРИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

Данная работа посвящена анализу исследования категории «образ города» в различных науках. Выделены особенности исследовательских подходов специалистов разных научных дисциплин к этому понятию. Результаты исследования могут быть использованы как методологическая основа конкретно-исторического исследования, посвящённого образам городов.

Ключевые слова: образ города, методология, конкретно-историческое исследование.

В настоящее время слово «город» означает нечто большее, чем просто населённый пункт. Это понятие многослойно и включает в себя такие аспекты, как фундамент цивилизации; место образования современной городской культуры; центр власти, распростирающийся на окрестные территории; уникальное собрание памятников архитектуры и др. Город многогранен. Специалисты разных научных областей исследуют его для достижения целей поставленных перед ними наукой. В отдельную отрасль исследования можно объединить работы, посвящённые изучению образа города. Большая часть таких трудов написана в рамках разных предметных областей: культурной географии, филологии, культурологии, истории архитектуры, искусствоведения. Современный этап развития научного знания характеризуется междисциплинарным (интердисциплинарным) подходом.

Цель данной статьи — обобщить подходы к интерпретации исследовательской категории «образ города» и предложить свой вариант его употребления в контексте конкретно-исторического исследования «Конструирование властью образа города Новосибирска в 1945–1992 гг.».

Источниковой базой для настоящего исследования стали статьи, монографии и диссертации, оперирующие исследовательской категорией «образ города».

История и теория градостроительства

Одним из первых исследователей по изучению образа города стал К. Линч. Его работа была издана в США в 1960 г. Актуализируя тему своего исследования, автор пишет: «Всё воспринимается не само по себе, а в отношении к окружению, к связанным с ним цепочкам событий, к памяти о прежнем опыте... У всякого горожанина есть свои ассоциации, связанные с какой-либо частью города, и этот персональный образ пронизан воспоминаниями и значениями» [1, с. 15].

Как утверждал К. Линч, общественный образ города создаётся наложением одного на другой множества индивидуальных. Однако не исключена возможность возникновения ряда общественных образов, каждый из которых вырабатывается значительной группой горожан [1, с. 50].

Метод К. Линча можно условно назвать «топографическим». Результатом исследования является вы-

явление содержания образа города, которое сводится к пяти элементам: пути (коммуникации, вдоль которых наблюдатель может перемещаться постоянно), границы (линейные элементы окружения, которые не рассматриваются в качестве путей), районы (части города, представленные как двухмерная протяжённость), узлы (места, куда наблюдатель может свободно попасть) и ориентиры (точечные ориентиры, в которые наблюдатель не вступает).

Методика К. Линча может быть применена только к городу «сегодня», так как строится из сочетания двух техник: выборочного интервьюирования горожан, с целью выявления свойственного им образа и систематического исследования образа у подготовленного наблюдателя в процессе полевого исследования. Данный подход исследования может помочь в выявлении содержания градостроительного образа современного исследователю города, но окажется весьма спорным применительно к исторической ретроспективе.

В диссертации по истории архитектуры О. А. Ивановой рассматривается одна из составляющих образа города — архитектурно-художественный образ городов — столиц государств. Исследователь рассматривает его на примере Астаны. Целью её работы было выявить закономерности и специфические особенности формирования архитектурного образа города — столицы государства в семантическом аспекте на примере Астаны [2, с. 5].

Мы согласны с исследовательницей в том, что городские объекты, формирующие архитектуру столичного города, создают архитектурно-художественный образ, представляющий собой сложную информативно-знаковую систему [2, с. 3]. Архитектурный образ среды города — столицы государства воспринимается как система зрительно воспринимаемых знаков, формирующих в сознании человека смысловую модель отражения архитектурной среды. Автором разделены знаки столичной семантики по композиционному качеству и характеру подачи информации: знак-форма, знак-функция, знак-символ, знак-цвет, знак-масштаб [2, с. 7].

Иванова О. А. на основе графоаналитических схем и сравнительного анализа выделяет особенности семантического облика городов, наделённых властными функциями.

Исследователи, работающие в русле истории и теории градостроительства, уделяют внимание

архитектурным особенностям, расположению зданий, планировке города и их отражению в сознании человека. В рамках нашего конкретно-исторического исследования, посвящённого образу Новосибирска, возможно рассмотрение с архитектурной точки зрения культурных символов и ансамблей; анализ развитости инфраструктуры, сводящийся к восприятию города и апеллирующий понятиями «удобно / неудобно», «комфортно / дискомфортно».

Искусствоведение

Авторы, работающие в русле искусствоведческих исследований, изучают индивидуальные образы городов, созданные в сознании конкретного деятеля культуры и передаваемые остальному населению, посредством своих произведений. Однако предметом изучения искусствоведов (в качестве примера можно привести работы В. В. Раковой «Архитектурный образ сибирского города в графике XVII — начала XIX в.» [3], Е. В. Васильевой «Образ города в художественной фотографии Франции второй половины XIX — начала XX веков» [4]) были художественные приёмы, позволяющие передать виденье создателя произведения, а не содержания образа.

Такие исследования помогают осмыслить, при помощи каких технических и художественных особенностей достигается создание образа города

Филологические исследования

Предметом исследования филологов так же являются индивидуальные представления, созданные в конкретных литературных произведениях.

Целью исследования Ю. А. Марининой в диссертации «Мифологизированный образ города во французской поэзии второй половины XIX в.: от Бодлера — к символистам» анализ процесса создания мифологизированного образа города в творчестве французских поэтов [5].

Автор интерпретирует стихотворения французских поэтов с мифологической точки зрения, через поиск архетипических мотивов, привязку к библейским сказаниям. Образ города складывается из суммы параллелей проводимых автором исследования между стихотворениями и мифологическими сюжетами.

В результате исследования Ю. А. Марининой делается вывод: «Образ города, созданный в произведениях Бодлера, Верлена и Рембо, — исключительный и необычный. Он вряд ли может служить достоверной иллюстрацией к картине нравов или внешнего облика города второй половины XIX в., какими являются Париж Л. С. Мерсье, О. де Бальзака, Э. Золя, Лондон Ч. Диккенса и У. Геккеря. Однако мифологизированный образ города, показанный литераторами, точно передаёт ощущения художников того времени, остро чувствующих надвигающиеся перемены и грандиозный масштаб такого явления мировой культуры, как город» [6, с. 15]. Для нас в данной работе важным является возможность использования таких источников, как литературные произведения не только для восстановления повседневной жизни или архитектурных особенностей конкретных городов или эпох, но и как воспринимаются города, особенно в сопоставлении с восприятием художников. По существу, в графических изображениях города мы так же можем уловить архетипические параллели и сделать вывод о том, каким воспринимается и отражается образ города. Другой важным

момент, продемонстрированный Ю. А. Марининой, — разное восприятие и, как следствие, разное отражение в литературных произведениях образа города разных авторов.

В работах филологов показан пример анализа приёмов, используемых автором для создания и передачи образа города. Основными инструментами реконструкции образа города являются слова-маркеры и метафоры, с помощью которых характеризуется данный объект. Данные приёмы нами могут быть использованы при анализе любых письменных текстов, в частности мемуарного наследия Новосибирска, художественных произведений, прессы.

Гуманитарная география

Одним их выдающихся теоретиков гуманитарной географии можно назвать Д. Н. Замятина. В своих работах он использует в основном более общую категорию «географический образ». Образ города является одним из частных проявлений географического образа, обладающий всеми его характеристиками и рядом специфических.

Географические образы — устойчивые пространственные представления, которые формируются в результате какой-либо человеческой деятельности [7, с. 48].

В общем смысле географический образ — это совокупность ярких, характерных сосредоточенных знаков, символов, ключевых представлений, описывающих какие-либо реальные пространства [7, с. 48]. По мнению автора, образ — это максимально дистанцированное представление реальности [8, с. 35].

Д. Н. Замятин называет, из-за чего происходит большинство недостатков современного краеведения («наивная» трактовка фактов, дикие подчас интерпретации результатов исторических и археологических исследований, стремление привязать к определённой местности, как к точке, масштабный культурно-географический образ). Это связано с попытками недостаточно подготовленной интерпретации при не полностью и часто некорректно проведённой репрезентации образа.

Географические образы — это устойчивые пространственные представления, которые формируются в различных сферах культуры, в результате какой-либо человеческой деятельности (как на бытовом, так и на профессиональном уровне) [9, с. 92].

Географические образы — это специфические географические знания, которые являются буфером или медиатором между традиционной системой географических знаний и потребностями жёсткого специализированного мышления [10, с. 204].

В работе «метагеография» Д. Н. Замятин даёт определение географического образа города как системы «упорядоченных взаимосвязанных представлений о пространстве и пространственных структурах какого-либо города, а также система знаков и символов наиболее ярко и информативно представляющих и характеризующих определённый город» [11, с. 206].

Д. Н. Замятиным предложены три стратегии интерпретации географического образа города:

- экстенсивная — наращивания многочисленных упаковок ядра географического образа города;
- интенсивная — направленная на проработку, структурирование и позиционирование уже имеющихся, накопленных и зафиксированных элементов географического образа города;
- осевая — направленная на позиционирование избранного для интерпретации географического об-

раза города в ряде других принципиально важных для понимания данного [11].

В работе «Культура и пространство: моделирование географических образов» Д. Н. Замятин предоставляет вариант классификации географических образов исходя из репрезентирующих их источников:

1. Географические образы, создаваемые и реконструируемые СМИ (газеты, журналы, радио, телевидение).

2. Географические образы, создаваемые и реконструируемые в повествовательных текстах.

3. Географические образы, разрабатываемые или представляемые в научных (образовательных, научно-популярных) текстах.

4. Географические образы, выявляемые в результате анализа массовых источников систематизированной информации — социологических опросов, сборников статистических данных.

5. Географические образы, обнаруживаемые в результате полевых (экспедиционных исследований) [9].

Гуманитарная география рассматривает отражение географических объектов в сознании людей. Это направление максимально приближено к теме нашего исследования. Отличие заключается в том, что для нас предмет исследования не заключается только в географической составляющей. В контексте нашей работы город — это комплекс дискурсов.

Политология

Примером изучения образа города в рамках политологического исследования является работа О. В. Агишевой «Образ города в политической динамике». Подчёркивая актуальность данного направления исследования, автор утверждает: «Город — прежде всего центр власти в политическом пространстве страны и региона, где в наиболее сконцентрированной форме осуществляется воспроизводство и реализация качественных характеристик территории» [12, с. 3].

Совершенно не случайно в современный период проблема города и урбанизации становится одной из наиболее актуальных не только в силу глобальных перемен в самом урбанизационном процессе и росте значения города, но также в связи с усложнением ситуации его функционирования и его нового места в развитии общества (когда процент городского населения увеличился в несколько раз, а городской образ жизни стал основной тенденцией в развитии общества) [12, с. 4].

В работах по политологии образ города рассматривается как психологическое явление, лежащее в плоскости соединения рационального и эмоционального где встречаются объективная и субъективная реальности [12, с. 71].

Исследовательницей А. С. Майер, работающей в русле историографии, показан потенциал городских легенд в контексте воссоздания содержания образа города. Её целью является всестороннее рассмотрение городских легенд в качестве исторического источника по изучению исторической памяти и мифологическим представлениям москвичей [13, с. 6].

Автором были выявлены, записаны, обобщены и классифицированы городские легенды, на основе которых прослеживаются архаические представления москвичей. В итоге проделанной работы сделана попытка воссоздания мифологического образа города на основе параллелей между реальным городом

и совокупности архаических представлений о нём [13, с. 198].

В. Г. Рыженко определены три исследовательских стратегии изучения образа города специалистами исторической науки. Первая условно названа метафизической и связана, в первую очередь, с конструированием «Духа Места». Вторая исследовательская позиция определена словосочетанием «гуманитарно-географическая». Здесь используется механизмы, описанные нами ранее на конкретно-историческом материале.

Третье русло автором названо «историко-культурологическим». Её теоретико-методологической основой становится заимствование элементов исследовательских подходов и практик из «смежных» областей гуманитарного знания и современной урбанистики.

В рамках нашего исследования наиболее оптимальной выглядит третье исследовательское направление. Оно позволяет раскрыть многогранный образ, транслируемый через различные источники репрезентации.

Таким образом, исследовательская категория образ города лежит в сфере интересов многих наук: истории, культурологии, теории и истории градостроительства, филологии, политологии, географии, философии. Специалисты каждой из научных областей по-разному определяют понятие «образ города» и используют свой набор методов для достижения поставленной цели. Перед нами стояла цель выявить методологию, которую использовали специалисты разных научных отраслей при исследовании категории «образ города» и сформировать собственную для работы по теме диссертации.

В основе нашей работы лежит историко-культурологический подход, позволяющий использовать большой спектр методов направленных на изучение разных исторических источников. Целью нашего конкретно-исторического исследования является выявление образа города Новосибирска, позиционированного властью, и образа, воспринимаемого горожанами. Для достижения поставленной цели будут использованы разные типы исторических источников. В процессе анализа каждого типа источников необходимо использовать свой инструментарий, наработанный специалистами смежных наук.

Для реконструкции образа города, представленного в СМИ, а также в повествовательных текстах и произведениях искусства, возможно использование методов, предоставленных филологами и искусствоведами, которые на примере конкретных произведений искусства показали возможности воссоздания мифологических образов городов конкретных людей. Используя слова-маркёры, метафоры и параллели с архетипами и библейскими мотивами применительно к мемуарному наследию, произведениям искусства, а также к средствам массовой информации, возможно раскрыть содержание множества индивидуальных образов города.

Исследователи архитектуры и градостроительства создали базис для исследования инфраструктуры городского пространства. На основе их исследований становится возможным создание карт разных лет, на которые нанесены градостроительные элементы (методика К. Линча). Это позволит понять внутреннюю организацию города разных лет и проследить динамику изменений. Градостроительные планы в сочетаниях с картами позволят определить, какой город планировалось построить и что из запланированного воплотилось.

Философы в большей степени наработали теоретический базис исследования образа города. Политологи актуализировали город как место концентрации власти.

Библиографический список

1. Линч, К. Образ города / К. Линч — М. : Стройиздат, 1982. — 328 с.
2. Иванова, О. А. Архитектурный образ города-столицы государства: на примере г. Астаны : автореф. дис. ... канд. архитектуры : 18.00.01 / О. А. Иванова. — Нижний Новгород, 2009. — 23 с.
3. Ракова, В. Б. Архитектурный образ сибирского города в графике XVII — начала XIX века : дис. ... канд. искусствоведения : 18.00.01 / В. Б. Ракова. — Красноярск, 2005 — 332 с.
4. Васильева, Е. В. Образ города в художественной фотографии Франции второй половины XIX — начала XX веков : дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.04 / Е. В. Васильева. — СПб., 2005. — 226 с.
5. Маринина Ю. А. Мифологизированный образ города во французской поэзии второй половины XIX века: от Бодлера — к символистам / Ю. А. Маринина : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Ю. А. Маринина. — Н. Новгород, 2007. — 207 с.
6. Маринина, Ю. А. Мифологизированный образ города во французской поэзии второй половины XIX века: от Бодлера — к символистам / Ю. А. Маринина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Ю. А. Маринина. — М., 2007. — 16 с.
7. Замятин, Д. Н. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов / Д. Н. Замятин — СПб. : Алетей, 2003. — 331 с.
8. Замятин, Д. Н. Власть пространства и пространство власти: географические образы в политике и международных отношениях / Д. Н. Замятин. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2004. — 352 с.
9. Замятин, Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов / Д. Н. Замятин. — М. : Знак, 2006. — 288 с.
10. Замятин, Д. Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии / Д. Н. Замятин. — Смоленск : Ойкумена, 1999. — 256 с.
11. Замятин, Д. Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства / Д. Н. Замятин. — М. : Аграф, 2004. — 512 с.
12. Агишева, О. В. Образ города в политической динамике : дис. ... канд. политич. наук : 23.00.02 / О. В. Агишева. — Томск, 2008 — 214 с.
13. Майер, А. С. Московские городские легенды как исторический источник: историческая память и образ города : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / А. С. Майер. — М., 2008. — 303 с.
14. Рыженко, В. Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах / В. Г. Рыженко. — Омск : Изд-во ОмГУ, 2010. — 340 с.

ЗАМЯТИН Леонид Павлович, аспирант кафедры отечественной истории.
Телефон: 8-913-894-0-777
Адрес для переписки: Vikont-de-Zamyaten@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 27.01.2011 г.

© А. П. Замятин

Книжные полки

Данкова, Р. Рассказы о юных героях / Р. Данкова. - М. : Оникс, 2011. — 192 с. — ISBN 978-5-488-02648-3.

В книге собраны произведения о судьбе поколения, прошедшего через огонь сражений Великой Отечественной войны. Эта книга — своеобразное повествование о юности и детстве дедов и прадедов нынешних читателей. Она адресована тем, кто не имеет ещё своего жизненного опыта. Справедливость, чувство ответственности, любовь к добру, которые пронесли бойцы сквозь жестокое время, могут стать ориентирами современным мальчишкам и девочкам для воспитания в себе характера.

Пигулевская, И. С. История, мифы и боги древних славян / И. С. Пигулевская. — М. : Центрполиграф, 2011. — 222 с. — ISBN 978-5-227-02888-4.

Славяне — один из самых многочисленных народов на планете. Они оставили заметный след в исторических событиях Европы и Азии на протяжении тысяч лет. Однако вопросов в их истории очень много. Откуда они пришли в Европу и приходили ли вообще? Кем были венецы — славянами или кельтами? Был ли единым язык славянских племен? Как произошли сами эти племена? Кем был Вещий Олег? И как выглядит пантеон славянских богов?.. Многие ученые пытаются ответить на все эти вопросы, но каждый имеет свою точку зрения и выдвигает свои гипотезы. В этой книге читатель не найдет подробного разбора каждой из них, но будут упомянуты многие гипотезы, чтобы можно было представить, какие точки зрения существуют на затронутые вопросы. Книга написана доступным языком и будет интересна широкому кругу читателей, от взрослых любителей истории до детей, заинтересовавшихся языческими богами.

Васильев, А. С. История Востока : учебник для магистров. В 2 т. Т. 2 / А. С. Васильев. — 6-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2011. — 788 с. — Гриф МО РФ. — ISBN 978-5-9916-1390-3.

Второй том двухтомника, посвященного истории Азии и Африки, касается событий XIX — XX вв., когда колониальный, а затем и постколониальный Восток, подвергаясь давлению со стороны западных держав, сопротивляясь и приспосабливаясь, модернизировался и выбирал свой путь развития. Анализируется роль религиозно-цивилизационной традиции в процессе поиска путей развития современного Востока. Рассматриваются варианты трансформации традиционных цивилизаций Востока и слабо развитых полупервобытных восточных обществ в общества смешанного вестернизированного типа. Особое внимание уделено ситуации на современном Востоке, включая растущие темпы воспроизводства населения. Специально рассматривается проблема исламского фундаментализма в современном мире. Для студентов вузов, преподавателей школ и колледжей, а также для всех интересующихся историей мировых цивилизаций.